

Виктор Вассбар
Спираль Эолла

Часть третья. Возвращение на Гаур.
Книга 1. Седьмое включение.
Книга 2. Теократия

Виктор Вассбар

**Спираль Эолла. Часть
третья. Возвращение на
Гаур. Книга 1. Седьмое
включение. Книга 2. Теократия**

«Издательские решения»

Вассбар В.

Спираль Эолла. Часть третья. Возвращение на Гаур. Книга 1. Седьмое включение. Книга 2. Теократия / В. Вассбар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965885-2

«Возвращение на Гаур» — 3-я часть серии фэнтези-романтики «Спираль Эолла» включает 2 книги «Седьмое включение» и «Теократия». Здесь автор продолжает знакомить читателей с великим магистром Плинием и его приключениями на планете Гаур. Книга насыщена яркими событиями — это борьба с захватчиками из умирающей галактики — троодонтами, со злобными жрецами клана огнепоклонников и жизнь в замкнутом круге забвения. В книге красиво показаны романтические отношения между женщиной и женщиной и их любовь.

ISBN 978-5-44-965885-2

© Вассбар В.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА 1. СЕДЬМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Смятение	8
Глава 2. Ларун	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Спираль Эолла

Часть третья. Возвращение на Гаур. Книга 1. Седьмое включение. Книга 2. Теократия

Виктор Вассбар

Редактор Виктор Васильевич Свиноаренко

Корректор Виктор Васильевич Свиноаренко

Дизайнер обложки Елена Владиславовна Смолина

Иллюстратор Елена Владиславовна Смолина

© Виктор Вассбар, 2019

© Елена Владиславовна Смолина, дизайн обложки, 2019

© Елена Владиславовна Смолина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-5885-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-5886-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА 1. СЕДЬМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ

Поставив жирную точку в конце предложения, Сергей отложил ручку в сторону, откинулся на спинку стула, потянулся с хрустом костей спины, широко зевнул и, сомкнув на затылке ладони, вдавил в них голову.

– Длинное получилось сочинение. В одну книгу, пожалуй, не уложусь, – подумал, отнял руки от головы, затем, размяв шею резкими поворотами головы вправо и влево, ещё раз потянулся, разгоняя кровь по телу, и посмотрел на аккуратную стопку бумаг, лежащую справа на столе.

Листы А-4, рядом шариковая ручка.

– Это сколько же я написал?.. Тэкс-тэкс чебуртэкс! – прокалякал Сергей. – Восемь, с этой последней восемь, восемь в четырёх. Две в первой части «Четыре сердца в одном», две во второй «Межзвёздные узники», в третьей «Возвращение на Гаур» тоже две, и две в четвёртой. Как же её назвать? Может быть «Полёт в Ливадию» или «Полёт в параллельных мирах», а может быть... Вот так всегда! Вот ещё заковыка? Как дело подходит к названию, начинаются мучения. Название оно ведь само по себе уже как произведение! Оно отражает суть, красную линию его! Здесь спешить нельзя, значит, отложу-ка я это дело на завтра, а там видно будет. Как говорится «утро вечера мудрее».

Сергей встал, отошёл от стола и направился к балкону.

– Удивляюсь, откуда в головах некоторых фантастов берутся бредовые мысли, в которых быстрее ветра и даже скорости звука перемещаются всякие чудики... если бы чудики, так пишут о таком, что волосы дыбом становятся. Какие-то жуткие кровососущие твари, кровожадные монстры, убивающие одним лишь взглядом всех и вся. И такой бред читают... интересно, кто читает... да... – махнув рукой, – понятно кто, такие же кровожадные людишки с куриным мозгом.

Балкон смотрел на восток и солнце, прошедшее половину своего летнего пути, наклонилось к западу и своими горячими лучами грело крышу дома, в котором жил Сергей со своей любимой женой Эльвирой. В солнечные дни после десяти на балкон старался не выходить, давила духота и жара, – пятый этаж, крыша плоская нагревалась, и весь жар пёр в квартиру, да ещё солнце било в глаза, а проглотить несколько глотков свежего воздуха хотелось.

– Прекрасно расположен мой дом. Ничто не закрывает прекрасную панораму. Полгорода видно, а главное бор, располагающий к благу, ещё бы крышу шатровую и вообще была бы благодать. Пять лет обещают, да, видно, обещаниями и накроется крыша.

Сергей стоял на балконе, смотрел на город и бор на его нагорной части, возмущался и восхищался одновременно. В голове был рой мыслей.

– А... собственно... почему людишки? У самого-то тоже есть чудики и монстры, они тоже и кровь сосут и плоть рвут. Нет, надо в корне пересмотреть мнение относительно таких фантастов. И вообще, что-то я накуролесил. Как пересмотреть? Они что... тоже летали во все-

ленной. Вряд ли! Тогда откуда у них такие мысли? Со мной понятно, я всё видел своим глазами и не только видел, но жил тем временем и пространством! Оно, конечно, не наяву, но всё же, в видениях, а это почти что наяву, разница не особо велика. И вообще, что-то мне ни разу не попадались монстры, перемещающиеся быстрее ветра, тем более звука. Вот опять пошло и поехало! И что за натура такая? Всё-то мне не так и не этак! Видел, не видел, жил, не жил! Я видел одно, а они может быть другое! Почему это я решил, что никто кроме меня не входил в видения?! Может быть кто-то вообще летал во вселенной! А я, видите ли, возомнил себя чуть ли пупом земным! Тоже мне, летун вселенский! Чудак с печки бряк, вот кто я!

Зазвонил телефон. Перешагнув порог, отделяющий балкон от гостиной комнаты, Сергей подошёл к журнальному столику, на нём стоял телефонный аппарат, подняв трубку телефона, поднёс её к уху.

– Написал? – кто-то мужским голосом проговорил по ту сторону аппарата.

– Кому? – ответил Сергей.

Двумя месяцами ранее.

Вновь взял в руки дневник. Эльвира... но не буду забегать вперёд. Три дня назад было седьмое включение. Сейчас пишу эти строки, я жив. Это радует!

Итак, три дня назад – 7 января я ждал седьмое включение. Я знал, что удар должен произойти в 20 часов 30 минут, так, по крайней мере, было с прошедшими ранее шестью отключениями. В 20 часов 28 минут, удобно устроившись в глубоком и мягком кресле, услышал телефонный звонок. Выпрыгнув из кресла, перед этим, естественно, подпрыгнув, или сжавшись в нём, не помню, вероятно, сначала сжался, потом подпрыгнул. Подбежал к аппарату, снял трубку и услышал голос моей милой жены. Она справлялась о моём самочувствии. Я не успел ей ответить, так как уже через секунду почувствовал сильное головокружение и, покачнувшись. Падая на палас, почувствовал, как мою голову пронзил сильный «электрический» удар. Сила удара была столь велика, что за миг успел попрощаться с женой, друзьями и, конечно же, с собственной жизнью. Затем со мной стало происходить что-то невероятное. Моё тело распалось, и миллиардами отдельных песчинок посыпалось в безмолвную чёрную бездну. Я мчался в ней, не осознавая ни пространства, ни времени, не понимая, куда, зачем и почему лечу. Как долго длился тот полёт, не знаю, так как не осознавал течение времени, оно просто отсутствовало для меня в тот непостижимый период. Но, вероятно, в той таинственной жизни, как и в этой земной реальности, всему приходит конец. Неожиданно яркий свет раскрыл мрачную бездну и собрал все песчинки моего «я» в невесомый материальный сгусток. Я потерял притяжение Земли, слился с космосом и единым взглядом охватил всю Вселенную, всю её многомерность. Это был миг, но миг, позволивший моему новому существу охватить необъятное для человеческого глаза. Да, миг, ибо вновь чёрный мрак окружил меня, исчезло сияние звёзд и галактик. Мрак и холод сковали мою новую сущность, не существо, именно сущность, так как я не осознавал себя в теле. Сознание помутилось, и я впал в забытие. Как долго продолжалось то инертное состояние не могу сказать. Я был вне времени и вне пространства.

Очнувшись, я услышал голос Эльвиры, доносившийся до меня из телефонной трубки, лежащей рядом со мной.

ГЛАВА 1. Смятение

*Будущее даст всё, к чему стремишься,
к чему направлены мысли и действия!
Автор.*

– ... и всё же меня тревожит проникновение в мозг Турона! Мы не можем не только предвидеть, но и предугадать последствий нашей авантюры! – говорил Эур. – И ещё, как ты можешь утверждать, что медальон – это машина с программой?

– Проникнуть в мозг Турона, узнать его замыслы и первыми нанести удар, если он замысливает что-то против нас, эти действия я не стала бы называть авантюрой, возмездием – да! Хотя... до возмездия очень далеко, мы только пытаемся сделать первый шаг и в этом нам, как я уже говорила, поможет медальон. Я не знаю его силу, но о том, что он ею обладает, мне поведал путник, случайно зашедший в нашу с няней избушку в лесу. Не знаю, жив ли тот человек сейчас, но его слова я не забуду никогда. Увидев меня, играющей с медальоном, он сказал: «Храни этот медальон», – при этом, назвав меня голубоглазкой, поведал о силе медальона, а также о том, как привести его в действие. И ещё он сказал, что его сила раскроется лишь тогда, когда он будет в руках моего мужа. Я спросила его, знает ли он, кто будет моим мужем. Путник ответил, что знает, сказав, что ликом он будет похож на бога моего народа. – Его предсказание сбылось. Ты точная копия нашего бога, а я твоя жена.

– Твои слова не столь убедительны, чтобы безоговорочно поверить в них, всё-таки ты была ребёнком и многое могла не понять или неправильно истолковать, но в виду сложившихся обстоятельств я не нахожу ничего лучшего как согласиться с тобой, – ответил Эур и, немного помедлив, с нескрываемой тревогой в голосе добавил. – Если в силе медальона я уже почти не сомневаюсь, то в твоей безопасности не уверен. Можешь ли ты быть уверена, что Турон не разгадает наш план и не предпримет ответные меры до того, как ты проникнешь в его мозг?

– Полной уверенности нет. Вся надежда на медальон и на тебя, мой милый муж! – ответила Наэла и вскинула руку вверх. – Там, – на вершине горы, сундук с тёплой одеждой.

Эур вопросительно посмотрел на Наэлу, затем перевёл взгляд на вершину горы и произнёс: «Немыслимо! Непостижимо! Как ты вскарабкалась на вершину по этой, – кивнув на гору, – почти отвесной стене?»

– Милый, ты высказался выразительно, но я не карабкалась! Я спокойно взошла на неё по ступеням!

– По сту-пе-ням? – удивлённо протянул Эур, посмотрел направо и налево, затем на подножье горы и, развернувшись к Наэле всем телом, упёрся в её глаза застывшим взглядом.

В тот же миг за его спиной раздался металлический скрежет.

Невольно отпрянув вперёд и резко обернувшись, Эур увидел плывущую от подножия горы к её вершине лестницу с перилами.

– О-о-о! – вырвался из его груди возглас удивления, и руки повисли плетьюми на застывшем теле.

– Подобное было и со мной! – вспомнив свою растерянность, звонко засмеялась Наэла. – Потом я пересилила страх, ступила на лестницу, и она сама понесла меня вверх.

– Если смогла ты, то смогу и я, – стряхнув временную растерянность и встряхнув плечами, бойко ответил Эур и рассмеялся, осознав недавнюю нелепость своей онемевшей позы. – Но ты останешься здесь!

На этот раз Наэла решила не спорить с Эуром и через непродолжительное время смотрела на него с чувством зависти. Эур что-то громко говорил ей и радостно помахивал руками с вершины горы, Сердцем ей хотелось стоять там, – в высоте и парить рядом с ним в нависающих

над горой белых облаках, но разумом она понимала, что Эур был прав. Швыркнув носиком, она глубоко и протяжно вздохнула, затем чему-то улыбнулась и отдалась течению времени.

К вечеру они перенесли в жилище весь дар Турона и даже сам сундук, а утром решили пройти тоннелем к плато, но непредвиденное обстоятельство отдалило поход на три дня.

Ночной одноглазый монстр.

– Что со мной? – Открыв глаза и увидев склонившуюся над собой Наэлу, с тревогой в голосе проговорил Эур, и, приподняв голову над травой, резко тряхнул ею, как бы сгоняя остатки сна или чего-то тревожного, сильно ранящего душу. – Почему я лежу ничком на земле? Кто уронил меня? Мне кажется, что я... я... – напрягая мысль, – что-то мастерил? Так, милая?

– Ты сидел на обрубке дерева, – указав глазами на невысокий, но широкий чурбан чурку, ответила Наэла, помогая мужу приподняться с травы, – и пил сок граната, потом замер и стал медленно заваливаться на бок. Я попыталась удержать тебя, но мои усилия были тщетны, уж очень ты тяжёл, милый. И всё же я не дала тебе упасть со всего маху, удержала, и твоё падение было не стремительно. Тебе же не больно, милый, да?

– Я вообще ничего не чувствую. Ни головокружения, ни ушибов, ни чего, чем обычно сопровождается потеря памяти и падение. Даже, наоборот, в моём теле лёгкость, а вот здесь, – постучав подушечками пальцев по лбу, – как-то тревожно, как будто что-то потеряно и очень важное. Предполагаю, что сок граната оказал на меня наркотическое воздействие, в результате которого моё сознание попыталось вернуть мне память.

– Никогда об этом не слышала! Наркотическое действие!? – удивилась Наэла, пожав плечами. – Сок граната дают даже грудным детям. Тревога... Что тревожного может выдать твоё сознание за несколько секунд, именно столько времени ты был в акинезии.

– Несколько секунд, – воззрился Эур на Наэлу. – Мне казалось, что прошла вечность. Я ничего не помню, но здесь, – вновь тронув лоб подушечками пальцев левой руки, – осталось чувство тревоги, как будто где-то в бескрайних просторах я оставил, что-то очень близкое и дорогое. Прости, милая, но я должен ещё испытать сок граната. Я должен войти в моё затуманенное сознание, чтобы выведать у него то, что сокрыто от меня. Я не хочу вечно плутать в темноте, не хочу быть пустышкой, наполняемой новым содержанием без памяти прошлого. Это больно, больно сознавать, что я был, и вот меня уже нет. Больно сознавать, что в моей голове сидит сознание неведомого мне человека и управляет мною, не принимая во внимание мою индивидуальность. Я живу как в тумане, делаю то, что желает оно, не советуясь с моим настоящим я. Вот поэтому я должен выяснить, кто я и вернуть моё настоящее, мою личность в мою реальность. Каким бы ни было то первое я, я должен быть тем, кто есть по рождению, сути и природе своей.

– Я понимаю тебя, милый! Конечно, больно осознавать себя потерянным, но, может быть, твоё сознание специально огораживает тебя от чего-то нежелательного, по крайней мере, до тех пор, пока не поймёт, что ты созрел для тайны, временно хранимой от тебя. Жить, не осознавая своего прошлого, больно, но рядом с тобой я и уверена, соединены мы не случаем, а провидением, судьбой. Придёт день, я в это верю, к тебе вернётся твоё прошлое, вот тогда, возможно, будет больно мне. А сок... уверена... он здесь ни при чём. Твой мозг выдал тебе информацию о прошлом абсолютно случайно, или готовит тебя к полному осознанию прошлого и это совпало с принятием тобой сока граната.

– И всё же я должен выяснить, где витало моё сознание, – ответил Эур и наполнил чашу соком граната.

Наэла молча смотрела на него. Она была спокойна, но всё же из-за предосторожности подошла к Эуру так близко, чтобы в случае затемнения его разума удержать от резкого падения.

Медленно подносил Эур чашу к губам, медленно и маленькими глотками пил сок, а когда полностью осушил сосуд, стал медленно заваливаться на противоположный от Наэлы бок,

затем замер и, повернувшись к ней, резко приподнялся с обрубка дерева, подхватил Наэлу на руки и закружил с нею по поляне.

Утонув тёплыми лучами в каскаде пышных волос Наэлы, солнце медленно катило по чистому небосводу и, казалось, сияло от избытка счастья выпавшего на его долю от созерцания двух влюблённых сердец.

Кружа с Наэлой по поляне, Эур глядел на свою возлюбленную и видел в её расплескавшихся по-над изумрудом травы голубых волосах безбрежную синь океана, отчего взгляд, секунду назад ещё искрящийся от избытка счастья, угас и приобрёл задумчивый вид.

– Эур, ты опять уплыл от меня, – поймав на себе туманный взгляд мужа, с укоризной проговорила Наэла и попросила его прекратить кружение. Выполнив просьбу, Эур опустил с Наэлой на траву и на её вопросительный взгляд ответил: «Я залюбовался твоими красивыми волосами, они напомнили мне море», – ответил, скрыв незначительный на его взгляд эпизод из недавнего забытья, в котором видел голубоглазую деву с прекрасными чертами лица.

От Наэлы не ускользнул торопливый ответ Эура, как и его задумчивый взгляд, но она не стала заострять на этом ни его, ни своё внимание, так как понимала, что к её милому мужу возвращается память, а с этим нельзя торопиться.

Проблеск памяти Эура пугал Наэлу, но пугал не тем, что он – её названный судьбой муж со временем вспомнит своё прошлое и, возможно, замкнётся в себе, а тем, что охладет к ней и отдалится, уйдёт мыслями к той, которую, вполне вероятно, видел в своём забытье, и которую, может быть, не по воле своей оставил в своём прошлом. И всё же хотя Наэла и страшилась этого, желание полного выздоровления супруга было сильнее неприятия ею той, кто, вполне возможно, находится где-то близко.

«Пусть он вспомнит её, пусть даже поймёт, что она любит его, но и я люблю, – думала она, – значит, буду бороться за мою любовь, тем более она ниспослана мне свыше!»

Решив так, Наэла резко приподнялась с травы и направилась к домику, чтобы собрать в мешок вещи, необходимые в предстоящем походе к плато, но неожиданно остановилась и, обернувшись к Эуру, сказала, что сегодня они останутся здесь – у озера, так как чувствует себя уставшей. Говоря так, Наэла думала не о себе, она чувствовала себя прекрасно, её тревожило состояние здоровья мужа, поэтому и предложила отложить поход на следующий день.

Второй день после похода к полю злаков.

Складывая в мешок всё необходимое для похода к плато, Эур мысленно думал о наступающих холодах, и о том, найдут ли они на плато животных с густым тёплым мехом и если даже и найдут, смогут ли в короткое время изготовить из шкур животных и из меха зимние одежды.

– Дар Турона лишь отсрочит нашу гибель. Одежды, что были в сундуке не для зимы, да... и жилище наше с его тонкими стенами не согреет нас в зимние холода. По ночам уже холодно. Нужна, очень нужна тёплая одежда, но где... где её взять? Где её взять? Животных с тёплым мехом я здесь не видел... – Эур призадумался, – вот и станет этот дом нашим последним пристанищем в жизни, – и резко, и громко. – Но я не хочу!

– Что ты не хочешь, милый? – вздрогнув от неожиданного выкрика Эура, проговорила Наэла, направив на него вопрошающий взгляд.

– Что? – услышав Наэлу, спросил её Эур.

– Я спросила тебя, чего ты не хочешь? Уж очень бурно и громко ты произнёс своё нежелание чего-то. Ты не хочешь идти к пещере?

– Нет, нет, что ты! – поспешно, – ты меня не совсем правильно поняла. Хочу и как можно скорее, – схитрил Эур. – Я о другом. На плато чешуйчатые и шипастые монстры, а травоядных с густым мехом я ни разу не видел.

– Ты не совсем прав, Эур. Кроме монстров на плато достаточно много травоядных животных с густым и тёплым мехом, а монстры... с наступлением холодов они уходят в норы и впадают в спячку. Вот тогда на смену им на плато приходят парнокопытные и мамонты, у них

густой тёплым мех и плотные шкуры. Я уверена, мы добудем всё, что нам нужно, – ответила Наэла, скрыв способ добычи гигантских животных, перед которыми человек был букашкой.

Ночь перед походом к плато взорвалась оглушительным грохотом. Переполошился весь озёрный край и даже где-то вдалеке сошла каменная лавина, грохот которой, отражаясь от крутых откосов кратера, раскатами пронёсся по окружности гор, взъерошил ветви деревьев и выстрелил в ночную долину стаей перепуганных сонных птиц. Взбунтовался даже далёкий каскадный водопад. Его тугие потоки вздыбили поверхность озера ещё на несколько сот метров от места своего падения. Переполох, вызванный неведомым грохотом, вырвал Наэлу и Эура из сна и выгнал в жуткую ночь из дома, стены которого, казалось, готовы были рухнуть от напора уплотнившегося воздуха и гула, но по счастливой случайности, а более от того, чтобы были умело сложены, стены дома остались целы и невредимы.

Рокот волнами катил по всей окружности кратера вправо и влево. Встречаясь, звуки бились один о другой и взмывали ввысь, поднимая к тёмной ночной пелене тонны едкой пыли, отчего покрывало ночи стало ещё темнее и, кажется, даже зловещее.

Неожиданно крик птиц, рокот водопада, буйный шелест осенней листвы и каскадные удары лавины заглушил металлический скрежет с правой стороны от входа в тоннель.

– Нет! Нет! Только не это! – захлёбываясь от удушливой пыли, закричал Эур и устремился в сторону тоннеля.

Всматриваясь на бегу в стену кратера, Эур просил Всевышнего только об одном, оставить в целости и сохранности тоннель.

– Если он разрушится, если его завалят камни, мы просто не выживем в этом краю, – думал он, а следом за ним, задыхаясь от пыли, с этой же мыслью бежала Наэла.

Приблизившись к тёмному зеву тоннеля, и увидев его в полной сохранности, Эур остановил свой бег и невольно перевёл взгляд вправо от него. Из подножия стены кратера примерно в пятидесяти шагах от тоннеля выползло ужасное животное огромных размеров, во рту которого, по всей его внутренней окружности вращались огромные зубы, которыми он перемалывал в пыль гранит стен, как червь гнилую древесину. Через непродолжительное время, исчисляемое двумя-тремя минутами, чудовище полностью выползло из горы и замерло, как бы всматривая новую добычу, затем брызнуло из своего единственного огромного глаза ярким светом на двух сжавшихся в комочек людей.

Наэла, влившаяся в спину Эура, подрагивая всем телом, глядела на ужасного монстра. В её голове была только одна мысль: «Не трогай, не убивай нас! Мы не причинили тебе никакого зла! Пощади!»

И монстр услышал её просьбу. Посмотрев на двух маленьких, беззащитных людей своим единственным излучающим яркий свет глазом, выплюнул из своей пасти мелкие камни, постоял в раздумье несколько секунд, затем взревел и, испустив из хвоста яркое пламя, взмыл ввысь, оставив двух замерших в недоумении людей во мраке ночи наполненной пылью.

Остаток ночи Эур и Наэла провели вне дома. В темноте невозможно было определить состояние стен жилища, поэтому, не желая рисковать жизнью, они возродили очаг и просидели в его уютном и ласковом тепле до рассвета, обсуждая ночное происшествие.

– Днём осмотрим наш дом, тогда и решим, как с ним быть, – обнимая Наэлу, ответил Эур на её вопрос, не пострадало ли их жилище от сотрясения земли, вызванного злобными действиями ночного монстра.

С первыми лучами солнца, опустившимися на эдем сквозь очистившийся от пыли эфир, Эур и Наэла осторожными короткими шагами подошли к новообразованию и, не входя в него, всмотрелись в его нутро. Круглый как труба канал дышал тайной и манил в свою утробу светлыми блёстками, весело бегущими от входа в плотную чёрную глубину.

– Удивительно, поверхность гладкая, как алмаз – потрогав стены хода, хмыкнул Эур и, посмотрев на всё ещё взволнованную Наэлу, сказал, – оставайся здесь, а я войду внутрь

и посмотрю, как с пользой для нас можно применить этот канал, пробитый в горе ночным монстром.

– Нет, только с тобой! – воспротивилась Наэла и крепко ухватила руку Эура обеими руками.

Пройдя внутрь, насколько позволял свет утреннего солнца, проникающий в канал и, не обнаружив ничего интересного, они повернули обратно и уже снаружи, постояв в раздумье несколько минут, не сговариваясь, одновременно сказали, что в этой выработке можно обустроить хорошее зимнее жильё.

– Полностью с тобой согласен, – ответил Эур, мысленно планируя расстановку стола, кровати и полки для кухонной утвари во внутреннем пространстве нового жилья. – В глубине канала, – шагах в двадцати от входа возведём стену, выровняем низ, установим толстую тёплую дверь и поставим печь, вот и новое надёжное тёплое жильё.

– Ты читаешь мои мысли, – согласилась с Эуром Наэла и предложила ему пойти к жилищу у озера. – Надо внимательно осмотреть его и решить, безопасно ли оно для жилья. Когда-то мы ещё обстроим наш новый дом... в горé.

К вечеру, – в двадцати шагах от входа в новообразование в горé, Эур и Наэла заложили камнями его проём, и перенесли в созданное жилище часть утвари, но для жизни их новый дом всё же был ещё не готов. Необходимо было выровнять пол, установить дверь, смастерить печь для создания уюта и приготовления пищи. Нужно было сделать новую кровать, стол и стулья, но для всего этого требовалось время, которого не было, так как кроме создания жилища и его обустройства новосёлов ждал поход к плато.

Третий день после похода к полю злаков.

Утро нового дня долина жизни встретила под чистым небом с ласковым солнцем, одаривающим своими тёплыми лучами зеркальную гладь озера и цветущий осенними красками лес.

Для Наэлы и Эура ночь прошла без тревог, и лишь только забрезжил рассвет, они вновь приступили к обустройству своего нового жилища. Установили временную дверь (постоянную решили смастерить и поставить после похода к плато), а сразу за нею сделали печь и вывели наружу трубу. Первоначально решили установить печь в глубине, но проблема с трубой внесла в этот план свои коррективы, собственно, это был даже наилучший вариант, так как зимой холодный воздух, проникая в жилище через открываемую дверь, будет проходить тёплый фронт от печи и, нагреваясь, не остужать помещение.

На закате этого дня, покончив с делами по устройству жилища, Эур и Наэла собрали в мешки всё, что было нужно для похода и жизни у плато, и отошли ко сну уже в своей новой обители. Утром им предстоял поход к внутренней пещере.

Проникновение в разум Турона.

Лишь только забрезжил рассвет, нагруженные необходимым скарбом, Эур и Наэла вошли в тоннель внутренней пещеры. Поход к плато, прерванный столь непредвиденными обстоятельствами, состоялся, и путь к нему был короток благодаря новому изобретению Эура, которое представляло собой вместительный короб на четырёх колёсах. В заднюю часть короба они уложили всё необходимое для жизни у плато, а впереди на двух сиденьях разместились сами. На передней скамье за управлением самоходной машиной расположился Эур, за ним на второй скамье Наэла, оба ездока ногами приводили в движение рычаги, которые в свою очередь вращали задние колёса. Поездка к плато на машине сократила не только время пути, но и дала даже некоторое удовольствие, ибо была не только не утомительна, но и весела.

За разговорами и весёлыми шутками движение по тоннелю на новом изобретении Эура сократилось до четверти часа по сравнению с несколькими часами пешего хода предпринимаемого ранее.

Каменный столп всё так же сидел у входа в пещеру, но при взгляде на него Наэле показалось, что он уснул, так как телом своим был склонён к угасшему очагу, о чём она тотчас сказала Эуру.

– Ты права, милая, да, и как ему не склониться. Страху натерпелся великого, – ответил Эур и, посмотрев в глаза Наэлы, увидел в них недоумение. – Да, да, страха! В этом замкнутом пространстве крик монстра, прогрызшего гору, был ужасен!

Вполне серьёзно проговорив эти слова, Эур залился весёлым беззаботным смехом. Через секунду, поняв его шутку, звонко и залиvisto ему вторила Наэла.

Распаковав вещи и уложив их в ниши пещеры, Эур предложил Наэле незамедлительно приступить к делу, ради которого прибыли к плато, на что она ответила тем, что сила её мысли ещё очень слаба.

– Сила мысли? – удивился Эур.

– Ты забыл, в разговоре о Туроне я сказала, что сила его мысли невероятно велика и все, кто попытается проникнуть в его сознание будут им уничтожены. Моей силой мысли я могу проникнуть во дворец, но это ничего не даст. Нам нужно знать мысли Верховного жреца, чтобы противостоять ему, но одной мне с этим не справиться. Только с силой твоей мысли я буду иметь защиту от него, и даже равна с ним по силе.

– У меня нет силы мысли. Поэтому не будем даже говорить о входе в сознание Турона. Наша цель не Турон и его мысли, а добыча мяса животных и тёплых шкур. Кроме того, помню, ты говорила, что обратным ударом великий жрец вышибет мозги любому, кто попытается проникнуть в его сознание. Сознаю, нам нужно знать всё о Туроне и его замыслах, но вход в его сознание это не решение проблемы. Нет, это не выход! – твёрдо проговорил Эур. – Надо найти другой, более безопасный способ устранения его. Может быть, есть смысл проникнуть во дворец и устранить его физически.

– Нет, ни в коем случае! – Поспешно ответила Наэла. – Я не откажусь от моего замысла, а о физическом устранении Турона нечего и думать, надо об этом забыть, хотя бы, потому что нас он не уничтожил, хотя мог сделать это неоднократно. Нет, нет! Убийство я не приемлю! Предполагаю, мы ему нужны, следовательно, и он нам. Наша цель не физическое устранение Турона, а лишение его власти и могущества. А силу твою раскроет медальон, помнишь, я об этом упоминала?

– Конечно, помню, но не верю, чтобы какой-то, пусть даже и необычный предмет, мог обладать силой проникновения в человеческий мозг, – ответил Эур и вновь предложил Наэле забыть о её намерении проникнуть в сознание великого жреца. – Я не доверяю словам странника, посетившего тебя в лесной избушке. Медальон всего лишь кусочек металла и ничего сверхъестественного в нём я не вижу.

– Вот это мы сейчас и проверим, – ответила Наэла и сказала Эуру, чтобы тот взял в руки медальон, удобно устроился и сосредоточился на графическом изображении галактики, изображённом на нём. – Этот кусочек металла, как ты смело выразился, мой милый, по словам странника не только свяжет нас в единое целое, но и даст силу вселенной в наши руки.

– Возможно, да, хотя более, уверен, что нет! – всё ещё сомневаясь в силе медальона, ответил Эур, но всё же выполнил просьбу Наэлы, расположился рядом со столпом, вынул из кармана медальон и в ожидании дальнейших указаний со стороны своей милой спутницы жизни выжидательно всмотрелся в её глаза.

Увидев в глазах Эура тень сомнения в правильности принятого решения, Наэла сказала, что неверие это уже верный путь к краху их замысла, – устранению Турона от власти в городе, где её отец был правителем, а она принцессой.

– Милый, и я в смятении, но уверена в успехе нашего мероприятия, поэтому прошу тебя, отбрось сомненья и сосредоточься на том, что буду говорить. Верь, и ты увидишь то, что буду видеть я, и главное, будь просто сторонним наблюдателем и не пытайся каким бы то ни было

способом влиять на ход действий, даже если мне, как ты можешь посчитать, будет грозить опасность. Любое вмешательство в моё сознание может погубить всё, к чему мы подойдём и даже более, ты можешь стать моим невольным убийцей. Я верю в тебя, и доверяю тебе, поэтому иду на риск, но он оправдан, ибо сносить происки Верховного жреца уже стало невозможным.

Увлёкшись указаниями, Наэла не сразу поняла, что своими словами внесла в душу Эура ещё большую тревогу за свою жизнь, в результате чего он окончательно утвердился в неправильности выбранного пути.

– Я отказываюсь от безрассудного поступка. Твоя жизнь, милая девочка, мне дороже тысячи жизней Турона, – твёрдо проговорил Эур, чем положил конец всем разговорам о верховном жреце. – А чтобы день не прошёл впустую, предлагаю выйти на плато и поискать животных с тёплым и густым мехом.

Дальнейшие слова и просьбы Наэлы относительно входа в сознание Турона не возымели на Эура никакого действия. Он был неумолим. В результате она согласилась выйти на плато и уже через минуту с интересом наблюдала за приготовлениями Эура к охоте.

– И с этим ты собираешься охотиться на крупных животных? – Увидев, как тщательно Эур упаковывает бамбуковые трубочки с ядом, обратилась Наэла к мужу.

– Да! Яд мха помог мне добыть пескоплавов, – гордо вскинув голову, ответил Эур.

– Согласна, пескоплавов можно убить ядом мха, но только не травоядных, которые поглощают травы и мох. Тысячелетия адаптировали их к яду всего произрастающего на плато, кроме того, твои трубочки просто застрянут в густой шерсти животных и не поранят их кожу.

– А я об этом не подумал, – ответил Эур, – но у меня есть стрелы и мы можем добыть животных с их помощью.

– На плато нет ни одного животного, которое можно было бы поразить стрелами. Звери плато очень велики и стрелы не причинят им ощутимого вреда. От их толстой кожи они будут отскакивать как от каменной скалы.

– И как теперь быть? Из чего в таком случае мы сошьём тёплые одежды? У меня больше нет никаких орудий, с помощью которых можно завалить животных с густым мехом.

– Нам не нужны орудия, главное орудие у меня здесь, – коснувшись указательным пальцем своей головы, ответила Наэла. – Моей мыслью я могу разрушить мозг любого животного. Останется только освежевать зверя и снять с него шкуру. Вот и всё!

– Так просто! – удивился Эур. – Но всё же я возьму трубочки с ядом и лук со стрелами, мало ли что может произойти на охоте. Меры безопасности никогда не бывают лишними.

Перекинув лук и колчан через спину, взяв в руки мешок с бамбуковыми трубочками и другие принадлежности для охоты, Эур направился к выходу из пещеры. За ним последовала Наэла, в её руках была корзина с кремневыми ножами и продуктам, – осенними дарами эдема.

Солнце вскарабкалось на пик своего полёта и с высоты его дарило жизнь расцветшему плато.

– Прекрасный день, но мы идём уже довольно-таки долго, а ни одного животного я ещё не видел, – подойдя к крутому берегу великой реки, проговорил Эур и предложил Наэле присесть на пушистую траву и предаться отдыху с трапезой.

Приняв его предложение, Наэла ответила, что чувствует приближение большого стада копытных зверей, но они по другую сторону каньона и подойдут на видимое расстояние ближе к вечеру.

– По другую сторону!?! Но как мы переберёмся туда? – кивком головы указав на противоположный берег, спросил Наэлу Эур. – Это невозможно! Спуститься мы спустимся, но взобраться по отвесному склону на противоположную сторону мы не сможем. И что нам даст их обозрение?

– Нам не надо... – не высказав до конца мысль, Наэла вздрогнула от неожиданного подскока Эура и его громкого возгласа: «Они!», – и перевела взгляд в направлении его вытянутой руки.

На противоположный берег безводной реки ступил большой трёхрогий зверь. Вырывая толстыми губами сочную траву, он поглощали её с громкими шлёпающими и хлюпающими звуками, и не обращал внимания на две мелкие букашки, какими были Эур и Наэла смотрящие на него с любопытством и с охотничьей искрой в глазах с противоположного берега, а напрасно.

Оцепенение было не долгим. Сорвав с плеча лук и зарядив его стрелой, Эур выстрелил в сторону зверя. Пролетев по воздуху некоторую часть высохшего русла мёртвой реки, стрела плавно спикировала вниз и растворилась в сером мраке его глубины.

– М-м-м да-а-а! – протянул Эур, вглядываясь широко раскрытыми глазами в серую мглу дна мёртвой реки, – даже стрела не смогла достигнуть противоположного берега. Что говорить о том, чтобы доставить сюда живо... – прервав размышления, Эур смотрел, как трёхрогий зверь размером со слона был оторван от земли неведомой силой, трижды прокручен вокруг своей оси и с громким хлопком, как воздушный шарик разорван на мелкие куски.

– Не получилось!

Услышав за спиной горестный возглас, Эур отвёл взгляд от противоположного берега и повернулся к Наэле с вопросом о причине её огорчения, но не успел произнести и слова.

– Не рассчитала силу удара, – проговорила она.

– Это ты... Ты разорвала его? – изумился Эур.

– Не получилось! – вновь сокрушённо проговорила Наэла и услышала от Эура слова, заставившие её приуныть.

– Ну, милая, тебе только камни дробить!

Этими словами Эур дал понять Наэле, что таким образом им не добыть зверя.

– Я разочаровала тебя?

– И даже более. Ты поразила зверя, но доставить разорванную тушу на нашу сторону мы не сможем, так как её уже рвут падальщики.

– В следующий раз я сделаю всё проще. Перенесу зверя на нашу сторону, а потом легонько ударю его. Мне жаль животное, но у нас нет выбора. Скоро зима и нам нужно выжить.

– Следующего раза, возможно, не будет. Что-то я больше не вижу ни одного травоядного, одни стервятники кружат над плато в поисках новой падали, – сокрушённо ответил Эур и, подняв с земли увесистый камень, бросил его в сторону птиц. Пролетев по дуге несколько десятков метров, камень устремился вниз и через несколько мгновений плюхнулся в густой слой пыли, подняв серый фонтанчик.

– Не огорчайся, мой милый! Эти травоядные ходят стадом. Пришёл этот, значит, подойдут и другие. Уверена, они рядом, мы просто не видим их, так как противоположный берег господствующий.

– Значит, нам нужно немедленно выдвинуться к перешейку и перейти по нему на противоположный берег, а там... – помедлив, – всё пространство будет нами зримо, и мы без труда добудем нужных нам животных.

– Это не выход! Пока мы дойдём до перешейка, пройдёт полдня, и животные уйдут. Есть другой вариант, я подзову несколько особей к краю берега и попытаюсь перенести их на нашу сторону.

– Пере-не-е-сёшь! – протяжно проговорил Эур. – Но как?

– Тем, что находится здесь, – приложив указательный палец ко лбу, – силой мысли, – ответила Наэла, и попросила Эура ни о чём больше её не спрашивать. – Мне нужна полнейшая тишина, – сказала она и перенеслась мыслью в пространство над плато, где увидела большое стадо травоядных трёхрогих животных и погнала его к каньону.

Ждать пришлось не долго. Когда стадо приблизилось к обрыву мёртвой реки, Наэла выбрала из него трёх крупных самцов, приподняла над землёй и... через миг все три зверя лопнули как мыльные пузыри, окрасив зелень травы в кровавый цвет.

– Не получилось! – жалобно посмотрев на Эура, как бы прося у него прощение или моля о снисхождении, проговорила Наэла и склонила голову в ожидании порицания.

Поняв горящую от обиды душу Наэлы, Эур не стал её укорять и за этот промах. Он подошёл к ней и, притянув к своей груди, спокойно произнёс: «Животных жал, но ты учишься, поэтому не вини себя. Не сегодня, завтра всё пройдёт гладко, а сейчас пора в обратный путь. Завтра всё повторим!»

Солнце скатилось к горизонту, когда два неудачливых охотника подошли к горе. Повеяло прохладой. Где-то вдалеке прошла лавина, но отголосок её был так слаб, что даже не колыхнулись тонкие ростки кустарника, проросшие вблизи пещеры.

– Интересно, откуда они появились здесь? – подумал Эур тут же забыл о них.

Утром нового дня, наскоро позавтракав, Эур и Наэла вышли на площадку перед пещерой и тотчас сникли. Ночь изменила плато до неузнаваемости. Ещё вчера оно радовало глаза своей буйной зеленью, сегодня смотрела на людей, стыдясь своего нищенского одеяния. Ночь убила всю растительность плато, окрасив его в пепельный цвет с крупными ржавыми пятнами. Исчез не только глянец плато, но и вся она поникла, выставив, как застарелые угри, чёрные камни, ещё вчера скрытые густой травой с весёлыми радужными цветами.

– Если и сегодня мы не добудем зверя, то до наступления устойчивых холодов здесь делать будет нечего, – всматриваясь вдаль, с оттенком беспокойства проговорила Наэла.

– Почему? – коротко спросил Эур.

– Все травоядные звери уйдут на южные пастбища, а до прихода зимних животных мамонтов не менее двух-трёх месяцев. К тому времени мы просто не сможем выйти из этой пещеры. Глубокий снег не даст нам ступить и пяти шагов.

– Снег! Я помню, что такое снег, помню, он белый, холодный и местами очень глубокий, но как по нему ходить забыл, – почёсывая затылок, говорил Эур. – Да, а как по нему ходят зимние животные мамонты? – поспешно, как бы торопясь, или боясь, что потеряет мысль, спросил Наэлу Эур.

– Люди ходят на круглых, утрамбовывающих снег дощечках, а мамонты так велики, что им не страшен даже самый глубокий снег.

– Говоришь, велики! Тогда, что вон там? – всматриваясь вдаль, проговорил Эур и указал рукой в сторону мёртвой реки, некогда полноводной и великой.

– Я ничего не вижу, – ответила Наэла, внимательно осматривая линию горизонта.

– Там что-то двигалось, а сейчас этого нет, – пожав плечами, ответил Эур и, закинув за спину лук и колчан со стрелами, ступил на тропу, скользящую с карниза пещеры к подножию горы. Следом с корзиною в руке на убегающую вниз дорожку вошла Наэла.

Восточный берег мёртвой реки, как и всё плато, поник за одну ночь. Серые проплешины земли и камней, ползущие по нему, вдали сливались с ржавыми пятнами умершей растительности и превращались в узкие борозды ядовитого гнойного цвета, отчего казались шрамами на умирающем теле огромного монстра. Лишь кое-где, отдельно цветущие поздние осенние цветы с ярко красными лепестками цеплялись за жизнь, но их кровавый цвет более говорил о бренности жизни, нежели о её силе и вечности, ибо напоминал кровоточащую рану на теле умирающего животного.

Остановившись на островке пожухлой травы, близ мёртвой реки, Эур сбросил с плеч поклажу и, кивнув на запад, произнёс:

– И всё же там что-то было, я ясно видел движение чего-то огромного...

– А потом исчезло, – улыбнувшись, дополнила Наэла рассуждения Эура.

– Да, то нечто появилось на миг, потом как бы растворилось в утренней дымке или провалилось сквозь землю. Я не знаю, что с ним произошло, – говоря так, Эур утверждал, что это было животное, – но уверен, это был крупный зверь.

– Крупные звери придут на плато зимой, это мамонты, их вес огромен, а шерсть густа, но добраться до них мы не сможем из-за снежных заносов. Нет! – задумавшись, – их ты видеть не мог, значит, это было последнее стадо тримаров, уходящее на юг. Горестно сознавать, но мы опоздали, поздно вышли на охоту, и теперь остаётся только одно, возвращаться в длину жизни и обустраивать наше новое жильё.

– Значит, будем шить зимнюю одежду из кожи пескоплавов. Я даже придумал, как её утеплить. К внутренней стороне по всей длине и ширине пришьём мешочки, а в них набьём пух птиц. Многие птицы улетели в тёплые края и в их гнёздах много пуха. Изготовление таких тёплых вещей будет долгим, но они будут вполне пригодны для зимы, – ответил Эур.

– Ты у меня просто умник, милый. Идея прекрасная, только я думаю, лучше будет сделать нашу одежду двухслойной. К внутреннему слою нашить полоски одну над другой по всей ширине, и в них поместить пух. Это будет менее трудоёмко, и не затратно по времени, нежели шить мешочки с пухом и пришивать каждый по-отдельности.

За разговорами о подготовке к зиме два несостоявшихся охотника не увидели подошедшего к противоположному берегу реки огромного зверя с густой длинной шерстью, свисающей с массивного тела. Своим длинным и толстым, как дерево носом, он рвал траву, и как рукой засовывал её в рот с толстой нижней губой, из углов которой произрастали длинные изогнутые вверх клыки. Лишь после того, как зверь трубно закричал, Наэла и Эур прекратили разговоры о подготовке к зиме и повернулись на звук. Их удивлению не было предела, а Эур даже присвистнул.

– Кто это такой? Что за зверь? Какой он огромный! Невероятно! Немыслимо! Чудеса! – восклицал Эур.

Не переставая любоваться красотой зверя, удивляться его мощью, забыв о цели прихода на плато, он не сразу понял, кто и какая сила подняла его над землёй и заставила поплыть над высохшим руслом реки на берег, на котором он стоял вместе с Наэлой. Вскоре зверь медленно опустился в сотне метров от них и, приподняв хобот, а это был он, а не нос, как утверждал Эур, пошёл в сторону гор.

– Это и есть зимнее животное мамонт, но откуда он взялся здесь, не могу понять, хотя... это уже не имеет никакого значения. Теперь у нас будет всё, чтобы спокойно встретить холода. Будет мясо, но главное – плотная шкура с густым и тёплым мехом, – от радости сверкая глазами, говорила Наэла и подгоняла зверя к пещере.

– Я... он... пойму... ничего не!.. – приподняв руку с растопыренными пальцами в сторону мамонта, – он в сторону... сам идёт гор, – опережая словами мысль, и с явным усилием собирая их в более менее понятную фразу, лепетал Эур, не вслушиваясь в слова Наэлы, которая говорила, что удивлена ранним появлением зимнего зверя на плато.

– Я решила, что будет лучше, если он сам пойдёт к нашей пещере, нежели тратить энергию мысли на перенос тела на столь далёкое расстояние.

Прошло семь дней, по окончании которых удачливые охотники освеживали тушу мамонта и перенесли её кусками в виде сырого мяса и копчёностей в долину жизни. Одновременно с заготовкой мяса Эур и Наэла занимались выделкой кожи, предварительно разрезав её на куски. На восьмой день Наэла вновь обратилась к Эуру с просьбой оказать ей содействие в сканировании мыслей Турона, на что он с некоторым колебанием всё же согласился пойти на столь опасный эксперимент, но с условием, что вход в сознание верховного жреца будет непродолжительным. Причиной, изменившей ранее принятое им решение, послужил отпечаток странного следа, явно человеческого, но четырёхпалого. Этот отпечаток увидели Эур и Наэла в один из дней, когда переносили мясо из пещеры к жилью в долине богов.

Произошло это следующим образом.

Утром, выйдя из жилья, Эур увидел на влажной земле отпечаток четырёхпалой стопы, и это повергло его в шок. След навёл его на мысль, что в долине появился шпион Турона.

– Турон! Да, Турон! Это могут быть только его происки! Но что ему нужно? Хотя... и так ясно! Ему нужна Наэла! Как быть? Как быть? – неслись мысли в голове Эура, а взгляд передвигался по цепочке следов, уходящих в сторону леса.

Следы были чёткие, но их странная особенность была увидена им лишь после того, как Наэла сказала, что другая ступня незваного гостя не четырёхпалая, а пятипалая. Это навело её на мысль

– То, что эти следы оставил человек у меня нет сомнений, – рассматривая отпечатки ног, задумчиво говорил Эур. – А вот с какой целью вблизи нашего жилья появился этот загадочный человек, это бы мне хотелось узнать в первую очередь. Не отмечаю и мысль, что этот человек может быть шпионом Турона. Хотя... зачем шпиону разгуливать рядом с нашим жилищем, да ещё босым? Нет, в этом есть что-то загадочное, не могу отметить и то, что носитель этих следов может быть таким же отшельником, как и мы.

– Все твои версии, Эур, могут иметь место, поэтому мы должны сегодня же вновь пойти в пещеру и приступить к сканированию мозга Турона, – требовательно проговорила Наэла. – Так мы узнаем ответ на наши вопросы. Иначе просто нельзя.

– Да, это нужно выяснить немедленно, – ответил Эур. – Другого выхода у нас нет. Шпион Турона беспокоит меня больше, нежели отшельник, вор или убийца, с последними можно бороться, установив ловушки, а шпионы хитры, они в западню не угодят.

– И как ты выяснишь, кто он?

– Мы пойдём в пещеру, но перед этим поставим на стол продукты. Если он наблюдает за нами, то, увидев, что мы ушли, обязательно войдёт в наше жилище. Голодный человек набросится на еду, а шпион не будет брать пищу, он хитёр, может предположить, что она отравлена. Его будут интересовать наши вещи. Так мы узнаем, кто он такой, а проникновение в мозг Турона утвердит нас в наших предположениях

Наэла думала иначе, но промолчала. Она прекрасно поняла, что незнакомец не шпион, так как он бос.

– Шпиона Турон обеспечил бы всем необходимым, одеждой, обувью и оружием. И направил бы к нам не одного человека, а как минимум троих. Втроём они спокойно бы выкрали меня, а Эура убили. Нет! Этот человек не шпион. Он просто отшельник, случайно зашедший сюда или скрывающийся от кого-то беглец. Нет, не шпион! – утвердительно. – Просто голодный человек, но Эуру о моих выводах я не скажу, иначе он вновь откажется от сканирования мозга Турона, а это сейчас более важно, нежели установка ловушек и поимка этого несчастного человека, – думала Наэла, а вслух сказала. – Ты всё правильно решил. Готовь свою самодвижущуюся машину, а я пока соберу в корзину продукты и уложу часть их на стол для нашего таинственного гостя.

Итак, следы знакомого заставили Эура пойти на рискованный шаг, – оказать Наэле помощь в сканировании мозга Турона.

Сразу же по прибытии во внешнюю пещеру, Наэла, не без внутреннего беспокойства, уложила на каменный пол между собой и Эуром серебристый медальон и направила на него свою мысль. Эур по просьбе Наэлы лишь только смотрел на графическое изображение галактики, выгравированное на медальоне.

Шло время. Эур молча сидел у потрескивающего огня, смотрел на медальон и боковым зрением видел Наэлу. Видел, как с каждой минутой росло её физическое напряжение, о чём явно говорили её застывшая поза, крепко сжимающиеся кулаки, плотно сомкнутые губы и капельки пота, выступившие на прямом лбу. В своём внутреннем состоянии Эур не ощущал изменений, но тревога за Наэлу возрастала с каждой минутой. Ещё минута и он бы прервал экс-

перимент, но в следующий миг произошло что-то необычное. Что-то ощутимо кольнуло Эура в переносицу, а через секунду глубоко в голове щекотно закопошились какие-то тонкие нити. С трудом сдерживая усиливающийся зуд, Эур сильно сжал кулаки и до скрипа зубы, и в следующий миг увидел себя и Наэлу со стороны. Видение длилось секунду, затем растворилось и его взору предстало стремящееся к нему полотно плато и наплывающий из колышущейся дымки величественный город. Вот уже показались его главные ворота, они были открыты, ещё миг и он вошёл бы в них, но неожиданно они закрылись, город тотчас исчез и голос издалека внёс Эура в пещеру, – к костру с колосом.

– Ничего не получилось, – услышал Эур и понял, что с ним разговаривает Наэла. – Я не смогла войти в город, он как будто закрыт бронёй. И всё же это уже успех. Сейчас немного отдохну и попытаюсь пробить его защиту.

Эур, механически перебирая прутком горящие угольки костра, с тревогой смотрел на Наэлу, и видел в её склонённой голове сосредоточенность мысли. Наэла молчала, молчал и Эур.

Неожиданно Наэла резко приподняла голову и упёрлась взглядом в глаза Эура.

– Ты всё это специально сделал! Ты не желаешь мне помочь! – пронзая его глаза своим пристальным взглядом, с упрёком проговорила Наэла.

– Я увидел красивый и величественный город, и всего лишь мельком подумал о его жителях.

– Вот в этом и вся беда. Ты, мой милый, ни о чём не должен думать. Ты должен быть сторонним наблюдателем и не более, тем более не должен думать о какой бы то ни было красоте и о жителях города. Этим ты невольно вносишь моё сознание в жизнь города, в его граждан и распяляешь его на них всех, а нам нужен только один человек – верховный жрец Турон.

– Сложная задача, – почесав за ухом, ответил Эур.

– Сложная, но у тебя всё получится, только ни чём не думай, просто смотри, вот и всё, что от тебя требуется. Я верю в тебя, мой милый, а сейчас мы вновь попытаемся проникнуть в город и найти в нём Турона, – ответила Наэла и, поцеловав мужа, спросила его готов ли он приступить к новому эксперименту.

– Готов! – твёрдо ответил Эур и направил взгляд на медальон.

Вторая попытка проникнуть в город увенчалась успехом. Наэла без большого труда и довольно-таки быстро пробилла защиту города и вплотную подошла к Турону, но войти в его подсознание не смогла, хотя уже это одно посчитала успехом, о чём тотчас сказала Эуру после выхода из полёта мысли.

– Спасибо, милый, у нас всё получилось и на первый раз это очень хорошо. Если честно, то даже я не верила в наш эксперимент, но всё прошло прекрасно!

На следующий день Наэла вновь предприняла попытку входа в подсознание Турона.

Верховный жрец находился в тронном зале своего дворца, когда лёгкий укол в лобной части головы пошатнул его, после чего Турон увидел яркую вспышку, вслед за которой на противоположной от трона стороне возник светящийся оранжевый шар.

– Девочка, – улыбнулся своим мыслям Турон и спокойной походкой направился в сторону трона. – Я ждал тебя, милая принцесса. Вот ты и стала взрослой. Что же, пора поговорить с тобой.

Усевшись на подножие трона, Турон направил взгляд на огненный шар, свечение которого, пульсируя, стало быстро разгораться. Он знал, что только Наэла могла предпринять попытку входа в его подсознание, но так как оно было закрыто для всех, то стремление Наэлы отсканировать его мозг проявилось именно таким образом, о котором она не могла даже помыслить, т.е. в виде яркого свечения. Турон, зная, что именно так произойдёт первый сеанс с Наэлой, зная, что такое явление ошеломит её и, возможно, даже введёт в акинезию, остановил возгорание шара и раскрыл его в видео экран, но только со своей стороны, оставив

обоюдную звуковую связь. Но Турон ошибался, он даже мысленно не мог представить, какой силой обладает юная девушка, не мог предположить, что ей помогает Эур. А Наэла была уверена, что силой своей мысли усиленной Эуром, пробьёт защиту Турона и увидит его, затем войдёт в его подсознание. Секундное затухание свечения было усилено Наэлой и развёрнуто в видео экран со своей стороны. Одновременно жрец и Наэла с Эуром увидели друг друга и все троём были поражены явлением видео связи. Турона, сидящего на подножии трона, увидели Наэла и Эур. Наэлу и Эура увидел Турон.

Жрец был ошеломлён. Он знал об Эуре, но не мог предположить, что тот может обладать силой мысли. Эур молча наблюдал за раскрывшимся действием. Наэла спокойно приняла своего врага, видимый на экране, но лишь на несколько кратких секунд, после которых уже не смогла сдержать эмоции, выразившиеся в гневных словах, брошенных в лицо Турона. Не сдержалась, хотя должна была спокойно посмотреть на него и войти в его подсознание. Эмоциональный выплеск ослабил силу её мысли, в результате чего дальнейшее движение к подсознанию жреца было остановлено.

Наэлу можно было понять. Спокойный вид Турона возмутил её и выбил из «колеи», что, между прочим, было благом для неё, так как дальнейшее продвижение к разуму Турона грозило ей неминуемой смертью, о чём она, конечно же, не знала и даже не могла предположить, что была близка к самоубиению.

Вход в подсознание Турона не состоялся, и это Наэла поняла, оставалось одно, изливать на жреца всю свою боль и выплёскивать в его лицо всё накипевшее в душе, что она и предприняла. Её дальнейшие яростные слова были гневны и жестоки, но Турон даже не показал вида, что принимает их близко к сердцу, он улыбался, слушая Наэлу, как будто это было даже приятно ему. Выслушивая принцессу, он дождался интервала в её речи, а это произошло, когда она сделала глубокий вдох для дальнейшей тирады, и спокойно произнёс:

– Рад тебя видеть, милая!

– Что-о-о? – опешила Наэла.

– Да, да, рад и очень, милая девочка! – повторил приветствие Турон.

– Не смей называть меня милой, – крикнула Наэла и крепко сжала пальцы рук, как боксёр перед боем. В груди Наэлы пылал огонь мести, она почти захлёбывалась от гнева, и это видел Турон и был он спокоен. – Моли всевышнего, что жив, что не лишился жизни, что не уничтожила в тот же миг, как увидела тебя! – выплёскивала она кипящую в груди ярость и от этого становилась похожа на пантеру.

Эур был молчалив, он был сторонним наблюдателем, но не безучастным, в голове его проносились мысли, ответы на которые пытался, но не мог найти. Он понимал свою жену, но одновременно с этим и не поддерживал в её гнев, и этому была причина. Его захватило нечто более важное, нежели созерцание двух непримиримых врагов, коими были Наэла и Турон. Его поразило сходство самого себя с Туроном, – обликом, глазами и даже голосом они были как братья близнецы.

– Лишиться жизни! – улыбнулся Турон. – Каким образом? Силой твоей мысли? Пойми, милая девочка, жизнь моя не подвластна тебе, а вот ты рисковала, предприняв попытку входа в мой разум. Хотя... я знал, что со временем ты поступишь именно так, поэтому уберёг тебя от глупого поступка. Всё, что тебе хочется знать, ты узнаешь, но лишь тогда, когда этого захочу я. А вот твоя тревога напрасна. Я ничего не замышляю против тебя, как и против человека, что находится рядом с тобой. Живите в мире и покое, я не желаю вам зла. Заботься о своём муже Але-Эуре.

– Не бравировуй своей мощью. Ты был, есть и будешь моим рабом! – не утихая в гнев, ответила Наэла.

– В какой-то мере ты права, милая. Все мы чьи-то рабы, а перед очами прекрасных женщин мы мужчины бессильны. Гнев тебе не к лицу, но глаза... они прекрасны в неистовстве.

Не надо метать молнии, строить козни, твоё дело любить и быть любимой, милая девочка! Укроти свою ярость и отправляйся с мужем в долину жизни. Скоро зима, не теряйте время на проникновение в мой разум, он для вас закрыт. Готовьтесь к суровой зиме. Обустройте своё новое жильё и заготовьте топливо впрок. Когда снег покроет землю, добывать его будет трудно. Вот о чём вам нужно думать сейчас, а не о мести. Повторяю, я против вас ничего не замышляю!

Наэла слушала и понемногу умирала свою ярость. То, что она хотела узнать, узнала, – жрец не замышляет против неё и Эура ничего плохого, но всё же на душе было как-то тревожно, а почему не могла понять. Сомнения в правдивости слов жреца терзали её, но ничего не оставалось, как верить. Наэла прекрасно понимала, что вторичное проникновение в подсознание Турона будет невозможно, после этой попытки входа в его разум, он закроет его непроницаемой защитой. Оставалось одно, принять совет Турона и готовиться к зиме.

– И всё же я буду бороться с тобой и возвращу трон отца, а ты предстанешь перед судом. Пока же наслаждайся властью и свободой, скоро всего этого ты лишишься, – успокаиваясь, ответила Наэла и прервала связь со своим врагом – Верховным жрецом Нур Таура Туроном.

Экран погас. Турон приподнялся с подножия трона и, улыбаясь, направился к выходу из тронного зала.

Крупные капли пота стекали со лба Наэлы на раскалённый медальон и, с шипением испаряясь, оставляли память о себе тонкими струйками пара. В глазах Наэлы была усталость и ещё что-то трудно уловимое, но что именно Эур не мог понять, как только не вглядывался в них, а спросить об этом Наэлу он не хотел, так как прекрасно понимал, что после столь тяжёлого и опасного входа в сознание Турона ей нужен отдых.

– Всеми своё время, – подумал он и вновь мысленно перенёсся к Турону, облик которого всё ещё волновал его.

Быстро прокатив на самодвижущейся тележке по тоннелю, Эур и Наэла молча ступили в эдем, каждый был занят своими мыслями, и лишь в жилище Наэла обратилась к Эуру.

– Эур, я уже дважды обращаюсь к тебе, – проговорила она и пристально посмотрела в его глаза.

– Прости, я видел всё, – ответил он.

– Так и должно было быть.

– Ты не поняла меня. Я видел в тебе самодовольство. Выплёскивая гневные слова, ты наслаждалась властью женщины над мужчиной, которые мне неприятно было слышать. В тебе пылал гнев с гордыней. Боюсь, став царицей, ты будешь жестока.

– Родной мой Эур, во мне пылала не гордыня, а боль за поруганную честь моей семьи, за смерть родителей, за унижение и рабство, постигшие страну с приходом к власти жестокого и кровожадного верховного жреца Турона. К сожалению, ты не увидел этого, принял мой гнев за самодовольство, которого у меня нет. Я не самовлюблённая фурия, я простая девушка, лишённая родины и родных мне людей. Сознаюсь, была не сдержанна, но как можно было сдержаться, зная, что этот мерзавец лишил жизни всех родных мне людей, а меня подверг унижению? Поверь, мне не власть нужна, своё счастье я нашла рядом с тобой, а торжество справедливости. Только этим я буду удовлетворена, хотя... о каком удовлетворении может идти речь, зная, что никогда больше не увижу моих родных людей. Не гнев, а боль души моей видел ты, милый мой!

– Верю, что так оно и есть, – ответил Эур и с нежностью прижал к своему телу готовую расплакаться Наэлу, что тотчас с ней произошло, как только её головка коснулась его широкой и сильной груди.

Прижимая её к сердцу и поглаживая как ребёнка по голове, Эур мысленно перебирал в памяти весь ход проникновения в сознание Турона, и ему казалось, что во всём этом было что-то упущено и не осмысленно до конца, о чём сказал Наэле.

– И всё же я в беспокойстве. В нашем проникновении в сознание Турона мы упустили что-то очень важное. После сеанса входа в сознание Турона у меня появилось чувство потерянности и отрыва от реальности, как будто я нахожусь здесь и одновременно в нескольких измерениях. Кроме того Турон, предполагаю, – секундная задумчивость. – Нет, уверен! Ждал нас и дал нам то, что хотел дать и не более.

Подводный зал.

Дар таинственному незнакомцу, оставленный на столе перед уходом к плато, исчез, что убедило Эура, а Наэлу утвердило в отсутствии злых намерений по отношению к ним со стороны четырёхпалого, а его ответный дар, вдобавок, доказал, что он не является агентом Турона и быть им не может. На столе в большой чаше из бересты лежали крупные ягоды лесной земляники, которые очень любила Наэла и знала их как средство профилактики и борьбы с вирусными и простудными заболеваниями.

– Своего человека Турон не отправил бы шпионить за двумя беззащитными людьми без съестных припасов, без тёплой одежды и без обуви на пороге зимы, – сказала Наэла Эуру, чем полностью настроила его на миролюбивое отношение к Невидимке, как называл его Эур.

К наступлению устойчивых холодов Наэла и Эур закончили дубление кожи, пошив меховой одежды и полностью обустроили новое жильё. Во всём этом большую помощь оказал металл, найденный Эуром на гребне кратера, куда била молния в памятную для него и Наэлы грозовую ночь.

Восхождение Эура на гору было не случайным, память по крупицам отдавала где-то и когда-то им виденное и слышанное, и эти всплывшие в его памяти знания сказали ему о залежании жилы железной руды, которая под ударами молнии превратилась в полосы и куски крепкой стали. Скребки, ножи, топоры и масса других металлических предметов не отличались изяществом, но всё же составляли гордость Эура, они были прочны и остры. Все эти инструменты ускоряли работу по изготовлению одежды, без них изготовить тёплую одежду они смогли бы лишь к исходу зимы. Но особую признательность Эур получил от Наэлы за изготовленную им металлическую посуду, от которой она была в восторге каждый раз, когда приходилось готовить что-либо к столу. Собственно, благодаря Наэле и появились металлические инструменты и посуда в их жилище. Она, видя как Эур бил по металлу камнями, пытаясь что-то смастерить из него, сказала, что прежде надо накаливать его докрасна, так он станет податливее, а потом уже ковать всевозможные предметы.

В один из дней, работая над своим новым изобретением, – дощечек для ходьбы по снегу, Эур обратился к Наэле с заманчивым предложением.

– А не вскрыть ли нам стену, которой мы отгородились от тёмного пространства тоннеля, создав этим наше нынешнее жильё?

– Зачем? – пожав плечами, ответил Наэла.

– Так-то вроде бы и не зачем, но... что-то тянет меня туда, вглубь. Чувствую, что в конце коридора кроется что-то очень важное для нас. Да и... – секунду помолчал, – с целью безопасности нам нужно исследовать его, наш новый тоннель. Возможно, тот монстр был не один и в глубине тоннеля живёт его второй брат. Подумай, что будет, если он тоже захочет выйти наружу и полететь в небо?! Благо если в это время мы будем вне дома, а если это произойдёт ночью,.. тогда нам не выжить, он раздавит нас.

– У-у-о-а-а! – протянула Наэла, широко раскрывая в испуге глаза, и стремглав преодолев разделяющее её от Эура пространство, спряталась за его спиной. – Я об этом даже не подумала! Эур, милый, надо срочно что-то предпринять! Я боюсь!

– Вот и я об этом. Не будем откладывать задуманное на потом. Разберём стену сейчас и исследуем тоннель.

Тёмный тоннель дохнул на Наэлу и Эура удивительно для них чистым и тёплым воздухом. С факелом в руке Эур сделал первый осторожный шаг в неизвестность, затем второй, тре-

тий и так далее. Свет, бросаемый факелом, освещал идеально гладкую поверхность тоннеля, необычность которого заключалась в том, что он не имел стен, а являл из себя широкую трубу.

Шагов двадцать исследователи шли прямым тоннелем, затем он круто свернул вправо и пошёл под уклон. Через три сотни шагов свет факела стал ослабевать, но это было кажущееся явление, ибо мрак тоннеля стал растворять льющийся из его глубины голубой луч. С каждым шагом луч ширился, набирал силу и вскоре полностью затмил колышущееся пламя факела своей яркостью, но Эур не стал гасить факел, так как знал, что обратный путь предстоит в темноте, а он, возможно, будет в стремительном беге. Неведомо, что таилось в глубине трубы.

Круглый зал, казалось, выплыл из ниоткуда, всё произошло неожиданно и быстро, – осторожное движение по тоннелю, голубое свечение и миг, открывший взору путешественников идеально круглый зал с широким столом в центре, на круглую столешницу которого с высоты метров пяти падал тугой сноп небесного сапфирового света.

– Где мы? – подняв голову к светло-голубому куполу, проговорила Наэла.

– Понятия не имею! – пожав плечами, ответил Эур.

– Восхитительно! Сказка! – поражённая великолепием зала, восклицала Наэла.

– Загадочная... сказка! – задумчиво ответил Эур, рассматривая обширное пространство зала, на котором кроме стола в центре стояли три деревянные кровати под покрывалом и три сундука на противоположной стороне от них.

– Да, загадочно! – осматривая голубой зал, ответила Наэла, – если учесть, что мы под озером!

– Под озером? – удивлённо посмотрев на Наэлу, проговорил Эур.

– По изгибу тоннеля, которым мы вошли сюда, можно судить, что так оно и есть. Мы под озером!

– Но кому нужно было создавать это сооружение, тем более под водой! Х-м! Чудеса! Загадочные чудеса! Х-м-м! – почёсывая затылок, хмыкал Эур

– Три кровати и три сундука. Три на три, и ни намёка на жизнь! Хотя... может быть в этом, кроется ответ, – направившись в сторону кроватей с ящиками, проговорила Наэла.

– Всё возможно, хотя я в этом не уверен. Если здесь когда-то и была жизнь, то давно умерла. Нет ни единого намёка на неё! Уверен, сундуки ничего не расскажут о ней.

Сундуки действительно не открыли тайну подводного зала, и не открыли тайну жизни, возможно, когда-то бьющуюся здесь. Они были пусты.

– Эур, здесь жутко! Давай уйдём отсюда, – подойдя к мужу и крепко вцепившись в рукав его куртки, проговорила Наэла и потянула его к выходу из зала. – Вдруг это обитель бога, а мы вошли в неё без его позволения.

– Обитель бога?! Вряд ли! Зачем ему этот пустой зал? Он более похож на склеп, нежели на жилище. Да-а-а, – махнув рукой, – у него вся вселенная! Здесь кроется что-то другое. Но что? Думаю, со временем мы разгадаем тайну этого подводного зала, а сейчас, ты права Наэла, пора возвращаться в наше жилище, факел догорает и если он затухнет, нам придётся идти в темноте.

Глава 2. Ларун

Красные ягоды.

За западным гребнем кратера, – на плато смерти, где Эур и Наэла добыли мамонта, вновь началась непримиримая война двух полюсов. Посылая свои плотные потоки ветра в лобовую атаку, они скручивались в тугие жгуты и устремлялись ввысь, откуда, обессилив, низвергались вниз снежной круговертью, отчего наблюдателям, коими были Эур и Наэла, казалось, что за гребнем гор жизнь борется со смертью. Зимний сезон бурь входил в свой пик, лишь в долину богов, где нашли приют Наэла и Эур, войне полюсов путь был закрыт, но всё же снежная выюга изредка достигала этого райского уголка и касалась его своим ледяным крылом. Тогда снежная пелена опускалась на долину богов и расплзалась жиреющим холодным покрывалом по сонному лесу, замеревшим в ожидании весны полям и коченеющему озеру, по берегам покрывшемуся коркой льда. Вскоре долина богов, полностью укрывшаяся зимним полотном, засияла радужными искрами, отбрасываемыми снежным покрывалом, освещаемым в безоблачные дни холодными, но ослепительно яркими лучами солнца. Лишь водопад на восточной стороне озера в гордом одиночестве противостоял северным ветрам, но и он с каждым новым днём приобретал более звонкую тональность, – это тонны извергающейся с горной вершины воды били по своим, удалённым от основного потока, заледеневшим струям, как по струнам арфы. Но этой мелодии, как и какофонии бури на плато смерти, было суждено биться веками только в своих границах. Ни одному из этих звуков не суждено было вырваться за пределы своих границ, чтобы слиться в едином аккорде и воспеть гимн жизни в борьбе с холодным и пустынным севером, несущим бессмысленную смерть. Хотя... какой смысл есть в смерти? Смерти противоположна жизнь и только в жизни есть смысл. Только жизнь рождает жизнь, только она творец мироздания, а смерть её отрицание, она всего лишь её противоположность, рождённая жизнью для понимания жизни, вечности её.

А на нейтральной полосе, меж какофонией плато и звуков ледяных струн водопада, противопоставляя себя тем далёким аккордам, игриво потрескивал огонь в печи, согревая своим теплом и золотыми игривыми отблесками на стенах, тихо беседующих людей. В уютном жилище, вновь отгороженном от тоннеля-трубы каменной стеной, аппетитно пахло свежеспечённым хлебом и здоровым ароматом молодых тел.

– Прекрасный подарок преподнесла нам природа, – загадочно поблескивая глазами, говорила Наэла, – в этом году, как никогда раньше пришла очень снежная зима. Через несколько дней прекратится буран и плато, как и наша долина жизни, покроется многометровым снегом, хотя и сейчас его намело уже невиданно много, и это благо для нас, по такому снегу к нам не пробьётся ни один враг, – минута молчания. – Хотя... у Турона есть утрамбовыватели снега... нет, – махнув рукой, – его армия и с ними не дойдёт до нас. Как-никак, а на такой поход потребуются большие средства, да и путь не короток... – Наэла призадумалась, как бы что-то подсчитать в уме, – да, месяц... не меньше! Нет, не придёт! Не помогут и утрамбовыватели. Весной? Весной... да! Но к этому времени мы что-нибудь придумаем, и не только для обороны, но и для ответного удара!

Слушая Наэлу, Эур усердно полировал четвёртую полосу узкой деревянной планки с загнутыми вверх концами. Наэлу давно интриговало это новое изобретение мужа, она выпытывала у него предназначение досок, но он лишь отшучивался, говорил, что они нужны ему для ловли птиц, при этом хитро шурился и слегка улыбался.

– Не берусь противоречить, милая, ибо не знаю, какие здесь бывают зимы, поэтому остаётся верить тебе на слово, – не отрываясь от работы, ответил Эур.

– Прекрасный у меня муж! Со всем соглашается! Хоть бы поспорил разок, прям какая-то идиллия! – не удовлетворённая столь незначительным ответом, воскликнула Наэла и, секунду

помолчав, как бы рассуждая о чём-то, бросила в сторону Эура. – Мы что... с тобой играем в верю-не верю!? Просто райская жизнь! Я с тобой разговариваю, ты мне веришь, а вот если я тебе скажу, что завтра пойдёт дождь, ты что... и в это поверишь?

Оторвавшись от работы, Эур с удивлением воззрился на Наэлу. В его голове кружились разнообразные мысли, одна хуже другой. Он думал, что Наэла устала от него, разлюбила, что стал противен ей, и она живёт с ним лишь из необходимости.

– Стала редко подходить к печи для приготовления пищи, отказывается есть приготовленные мной блюда, и даже отказывается спать со мной в одной постели.

Всё эти мысли налагало на душу Эура тяжёлый отпечаток, он замыкался, отчего Наэла ещё более распалась и всё чаще становилась реактивной, с частой сменой настроения от высокой активности до упадничества. Эур не мог понять причину её столь резкого охлаждения к себе, всячески старался угодить ей, в чём-то помочь и предупредить вспышки необоснованной обиды и импульсивности, но это ещё более раздражало её. Его молчание и согласие со всем и во всём она компенсировала выговорами в его адрес и неумолчной говорильней, порой носящей энцефалопатический характер.

– Я с ума схожу от скуки, а тебе хоть бы что! Ты даже вмешиваешься в приготовление пищи, – Наэла осеклась и на миг умолкла, осознав, что уже давно не стояла у печи, – и вообще, она стала не вкусная и какая-то противная, а за дверью снежок, – мечтательно, – и он пышный, пусть даже и по колено, но зато нежный, как... как... – окинув жилище взглядом, – как вот этот мех, – найдя сравнение с устланном на своей постели покрывалом, на котором сидела, выговаривалась она и неожиданно требовательно, – я хочу по нему погулять! Хочу простора, хочу глоток морозного воздуха, а там... а здесь... а здесь мне душно. Вот!

– За порогом нашего жилья сегодня очень холодно и ветрено. Слышишь, как воет метель?! – сказал Эур и предложил повременить с выходом наружу. – Уверен, вьюга и снегопад скоро прекратятся и мы обязательно совершим прогулку по нашей долине жизни.

– Порог, метель, снегопад! А мне это нравится, вот! И вообще, если он такой глубокий я вот встану сейчас с кровати, выйду и поползу по нему. Летать хочу, понимаешь, или нет? Я хочу летать, а в лесу вкусные ягоды! Их сейчас прибил мороз и они стали сладкие-сладкие, – прикрыв глаза и покачивая головой, как бы от ощущения вкуса сладости, – нет, я поползу, я окончательно решила, поползу, – твёрдо проговорила Наэла и вдруг неожиданно, даже для самой себя, звонко засмеялась, представив, как ползёт по глубокому пушистому снегу, разгребая его руками. – Эур, милый, а давай поползём вместе. Ты большой, будешь утрамбовывателем снега, а я... ха-ха-ха... а я... А кем же буду я? – призадумавшись, – а не всё ли равно кем, хоть кем, лишь бы ползти к сладким ягодам, – и снова требовательно, – хочу! Хочу сладких ягод! Слышишь, Эур, хочу много красных, сладких ягод! Хочу, хочу, хочу!

Ударяя кулачками по покрывалу своей кровати, Наэла требовала от Эура немедленного выполнения своей прихоти.

Отложив в сторону дощечку, Эур улыбнулся и спокойно проговорил:

– Что ж, требование моей милой жены для меня закон. Готовься к выходу в лес и именно сейчас.

– Сейчас?! – удивилась Наэла. – Но там воет метель, мы не сможем пройти и пяти шагов. Нас смешает со снегом и унесёт неведомо куда, да... мы и утонем в снегу. Ты что, совсем ничего не видишь, посмотри в окно, там сплошная белая стена! И вообще, никуда я с тобой не пойду! Я что... совсем из ума выжила что ли! Ну, уж нет, если хочешь, иди сам, а меня за собой не тяни, мне и здесь хорошо! Здесь тепло и уютно, – сжавшись в комочек, ответила Наэла, и от умиления прикрыла глаза.

– Ты же только что говорила, что хочешь видеть меня утрамбовывателем снега и ползти за мной за какими-то неведомыми ягодами.

– Мало ли что я говорила! Это было давно, вот! А сейчас я уже ничего не хочу, я устала и хочу спать, – зевнув, ответила Наэла и приклонила голову к пушистому тёплому валику, служившему ей подушкой. Вскоре по пространству жилья разнеслись её лёгкие посапывания.

Подбросив в топку печи уголь, Эур взял ранее изготовленные дощечки, – самые длинные и более широкие, нежели другие две лыжи, уложил их на пол и приторочил к ногам крепкими ремнями. Потоптался на месте и, чмокнув от удовлетворения губами, сделал два шага.

– Прекрасно! Всё очень прекрасно! Теперь мы можем легко передвигаться даже по глубокому снегу, я в этом уверен. Не зря же память показала мне эти предметы. Я даже ходил на них во сне и довольно успешно! А всё, что преподносит и преподносит память полезно и нужно для жизни.

С каждым днём Наэла всё чаще говорила об усталости, стала раздражительной и в течение дня неоднократно ложилась спать. Если в первый раз сон её длился не более десяти минут, то с каждым новым днём он стал нарастать по времени, и в тот день, когда Эур полностью закончил работу над своим последним изобретением, он удлинился уже в десять раз.

Утром следующего дня, открыв глаза, Наэла повела ими по серому пространству жилища, увидела Эура и, улыбнувшись, произнесла:

– Я видела прекрасный сон, в котором только мы, – ты, мой милый, и я. Мы шли по кромке берега, сияющего бриллиантовыми искрами, наши ноги омывала лёгкая тёплая волна, и мы смотрели вдаль, туда, где на глади лагуны стояла прекрасная яхта под голубыми парусами. Ты держал мою руку в своей руке и что-то говорил, но я не могла разобрать твоих слов, ты говорил на каком-то странном, но звучном языке. – И вдруг обидчиво и громко. – Говори, немедленно говори, о чём ты рассказывал мне! Иначе я сильно на тебя обижусь и из того что ты приготовил на завтрак ничего не буду есть. А есть, о-о-о, как хочется есть! Ну, что ты сидишь? Дай же скорее своей бедной, голодной девочке что-нибудь вкусное. Ягодки, хочу, красные, сладкие ягодки!

– Что ж, пусть будет так, как требуешь. Сейчас мы пойдём в лес и будем собирать нужные тебе красные ягоды. Ты говорила, что хочешь ползти. Но ползти мы не будем и утрамбовывателем снега я тоже не буду.

Наэла с интересом слушала Эура, и одновременно недоверчиво покачивала головой.

– Мы пойдём ногами по снегу, и, уверяю, не будем проваливаться.

Наэла замерла и уже изумлённым взглядом широко раскрытых глаз остановилась на лице Эура. Увидев этот взгляд, Эур подошёл к дощечкам, изготовленным прошедшим днём, взял две самые широкие и длинные и, уложив их на пол, приторочил ногам.

– Вот на этих снегоходах мы пойдём в лес, и никакой снег нам не будет страшен.

– Эур, какой ты оказывается умный! – захлопала в ладони Наэла. – Милый, милый, приторочь и к моим ногам эти доски, я пойду в лес и соберу много-много красных, сладких ягод. Ах, как сильно я хочу этих нежных, сладких ягод!

– Какой же ты ещё ребёнок! – усмехнулся Эур. – Нетерпение льёт из тебя бурным водопадом! Смотри, – резко указав на пол, – сколько уже воды!

Сидя на лежанке, Наэла резко вздёрнула ноги и взглянула вниз. Не увидев ни капли воды, поняла шутку мужа, зарделась, затем с интонацией капризного ребёнка произнесла: «В таком случае мы никуда не пойдём, а поплывём!»

Бурный всплеск эмоций, вырвавшись из Наэлы, заставил встать её с лежанки и закружить вокруг Эура. Изображая волну, она плавно водила руками и кружила вокруг мужа, при этом слегка касалась его лица, как бы орошая его лёгкими брызгами, поднятыми бризом с глади воды.

Эур был счастлив и в тоже время недоумевал. Он не мог понять, что в последнее время происходит с его милой девочкой. То она неожиданно впадала в беспричинный гнев, стано-

вилась обидчива и раздражительна, а то вдруг весела и безумно счастлива. Так случилось и на этот раз.

Остановив кружение, Наэла резко перешла из состояния веселья к грусти и, потушив озорные искры в глазах, с глубокой усталостью в них посмотрела на Эура, затем медленно опустила взгляд на пляшущие по полу блики печи и медленно пошла к своей лежанке, но, не дойдя до неё двух шагов, остановилась, повернулась к мужу и тихо, с какой-то непонятной ему тревогой, произнесла: «Давай повременим с выходом в лес. Снег очень глубокий, я не смогу долго передвигаться по нему даже на твоих досках, устану, и мы ни с чем возвратимся в наш уютный, тёплый дом. Если хочешь, иди один и, пожалуйста, принеси мне красные ягоды. Я слышу ветер стих, и снег уже не сыпет крупными хлопьями, а мелкие озорные снежинки не помешают тебе найти дерево с красными ягодами. А завтра я обязательно с тобой пойду, но только если ты принесёшь красные ягодки».

– Завтра, но почему не сегодня? День в самом разгаре и ветер, как ты верно заметила, стих, – не особо удивившись резкой перемене настроения Наэлы, спросил её Эур.

– Мне страшно от надвигающейся неизбежной неизвестности, – усевшись на свою лежанку и склонив голову вниз, ответила Наэла и, как глубоко уставший человек, тяжело вздохнула.

– Страшно!? Чего ты страшишься? Снегу столько намело, что к нам сейчас даже сам Турон не доберётся. Прости, Наэла, но твои слова путаны и не понятны. Объясни, что тревожит тебя?

– Вот здесь, – указав на грудь, – какое-то новое щемящее чувство. Надвигается что-то неведомое ранее, тревожное, а предчувствия не обманывают меня, и ты это хорошо знаешь. В этом новом радость и тревога, но более всего страх от чего неизбежного, обязательного, должного произойти! Прости, милый, но сегодня я устала и меня... – зевнув, – тянет в сон.

– Но сейчас утро, – удивился Эур. – Раньше ты так рано не ложишься отдыхать. Да и в лесу мне без тебя не справиться. В нём много разных красных ягод, какие из них нужны тебе, я не знаю.

– Завтра! Завтра! А сегодня ты иди один и рви все ягоды, которые попадутся на твоём пути, – уставшим голосом ответил Наэла и, склонив голову на подушку, вошла в глубокий сон.

Четырехпалый.

Третий день Эур терялся в догадках о столь резкой перемене жизнедеятельности Наэлы. Третий день с небольшими перерывами для приёма еды она спала на мягкой шкуре мамонта, и лёгкий румянец играл на её лице. Изредка Наэла улыбалась, но её подрагивающие веки, прикрывшие глаза, и спокойное дыхание говорили Эуру о её полном отрешении от внешнего мира. Наэла находилась в новом мире, внутреннем, в созданном лично для неё пространстве, которое, возможно, намного объёмнее и красочнее, нежели всё, что она видела, ощущала и осознавала в реальности. Возможно, поэтому она и не стремилась возвращаться в мир реальных звуков и цветов, мир, в котором Эур терялся в догадках относительно её странного состояния.

Эур был в полной растерянности, не зная как быть в данном положении, пытался разбудить её, трёс за плечи, громко разговаривал с ней, но она абсолютно не реагировала на его действия, лишь однажды, упомянув о красных ягодах, увидел, как слегка приоткрылись её глаза. С этой минуты его мысли, что бы он ни делал, были только о неведомых ему ягодах. Новый день выдался ясным и солнечным.

Надев тёплые одежды и взяв в руки лыжи, Эур вышел из жилища.

Отражённый от снега солнечный свет, ударив в его глаза, защекотал в носу. Потерев его кулаком и три раза громко чихнув, Эур приторочил к ногам лыжи и отправился в лес.

– Наэла проснётся, увидит ягоды, удивится и спросит, как это я успел так быстро их отыскать, а я отвечу, что летал на крыльях, вот она тогда посмеётся и снова будет бодр и здорова, – говорил Эур, быстро передвигаясь по снегу. – Прекрасное изобретение, эти доски, идти легко

и не проваливаюсь в снег. Прекрасный день, давно не было такого тихого и солнечного утра. Наэла обрадуется.

Искрящийся под утренним солнцем снег вносил в Эура праздничность. Тёплые одежды согревали тело, зимние птицы весело щебетали, от окружающего мира веяло простором, лёгкостью и желанием петь. И Эур запел. Он пел о солнце, искрящемся снеге, весёлых птицах, о милой сердцу Наэле, о жизни!

Ступая на лыжах по рыхлому снегу, Эур изредка падал, поднимался и заливисто смеялся, но с каждым шагом его движения становились увереннее и вскоре он полностью освоил своё изобретение, более того, передвижение по снегу доставляло ему удовольствие.

Любуясь седой красотой зимнего леса, Эур всматривался в просветы между деревьями в поисках ягод, прислушивался к пению птиц, надеясь, что они подскажут дорогу к ним, но не пернатые, а другое существо привело к цели похода.

Хруст сломанной ветви неожиданно разнёсся по морозной тишине и привлёк внимание Эура. Замерев, прислушался и вскоре вновь услышал треск ветвей, доносившийся со стороны источника минеральной воды. Постояв в раздумье непродолжительное время, осторожно двинулся вперёд. Лыжи с едва слышимым скрипом быстро скользили по снегу и несли Эура к источнику загадочного звука. Вскоре, не потревожив даже птиц, он приблизился к кустарникам, кольцом опоясывающим источник, остановился и обомлел. На единственном дереве, росшем близ источника, на высоте двух человеческих ростов сидел мужчина в лёгких одеждах и ломал посиневшими от холода руками тонкие ветви с крупными красными ягодами. На снегу под деревом громоздилась внушительных размеров алая гора, а вокруг неё на белом зимнем ковре застыли капли крови.

– Человек! – мысленно воскликнул Эур, всматриваясь в незнакомца. – Как, откуда, почему он здесь? Что, что делать? Надо, надо... что надо? Надо немедленно... немедленно что-то предпринять! Он может быть опасен! Надо его удалить! Удалить? – Эур задумался. – Но он человек и, вероятно, очень голоден. А одет... да... он практически вообще не одет. Несчастный человек! Надо ему помочь! Да, конечно, помочь! На нём лёгкие одежды, на ногах и голове какие-то обмотки, а руки вообще ничем не защищены! Да, ему, несомненно, нужна помощь!

Увлёкшись сбором ягод, незнакомец не сразу обратил внимание на слабый скрип снега, доносящийся из-за спины, а когда понял, что кто-то приближается к нему, сконцентрировался, и мысли ворохом понеслись в его голове.

– Опасность, хищный зверь, а у меня нет оружия! Как, как быть, что предпринять? Палка, нужна палка с заострённым концом, но где, где её взять? – думал он, медленно поворачивая голову в сторону усиливающегося звука производимого неведомым и, вероятно, смертельно опасным существом.

Испуганный взгляд глаз, сидящего на дереве человека, встретился с настороженным взглядом Эура, который уже через минуту выразил сочувствие и сострадание. Эур осознал, что перед ним немощный, больной человек, вынужденный питаться морожеными ягодами, чтобы не умереть. Тишина, но отражённые в глазах Эура мысли, сказали незнакомцу о том, что он в безопасности и может продолжать сбор ягод. Незнакомец улыбнулся, доброй улыбкой ответил Эур, и тотчас внутреннее напряжение двух людей резко скатилось с души и по телу каждого разлилось успокоение.

– У тебя руки в крови и ты почти наг. Разве тебе не холодно? – обратился Эур к незнакомцу.

– Это не кровь, это сок ягод! – ответил незнакомец и, помедлив, сказал, что холодно, но другой одежды у него нет.

В голове Эура пронеслась мысль, что этот человек может быть тем четырёхпалым, что в конце осени оставил свои следы возле его жилища. Но это теперь не тревожило Эура, так как он видел, что этот исхудавший, обессиленный человек не опасен, мало того, он беспомощен

и в его руках нет оружия, а сам он прекрасно вооружён, на поясном ремне острый металлический нож, а за спиной лук и колчан со стрелами.

– Пойдём со мной, я дам тебе тёплую одежду и накормлю. Одними ягодами ты не будешь сыт, а в жилище, которое я делю с моей женой, ты обогреешься и, если пожелаешь, получишь кров.

– Пойдём, – слезая с дерева, ответил незнакомец, – только прежде надо собрать все ягоды.

– Ягоды... да, конечно, ягоды. Мы обязательно их соберём, – вспомнив причину своего похода в лес, ответил Эур и, приблизившись к дереву, снял лыжи и нагнулся над ветвями с крупными красными ягодами. Связывая ветви, мужчины познакомились. Незнакомец представился Катрусом, Эур назвал своё имя, упомянув Наэлу.

– Твоей жене сейчас нужен особый уход, – как бы между прочим проговорил Катрус, забрасывая за плечи вязанку.

Эур, стоявший уже на лыжах со своей вязанкой за плечами, удивлённо посмотрел на Катруса, о чём-то подумал и сказал:

– Что тебе известно о её состоянии?

– Всё, что положено знать настоящему мужчине – ответил новый знакомец Эура и сделал шаг на выход с родниковой поляны.

– Тебе легче будет идти по моим следам, – не обидевшись на Катруса, а более всего не обратив нужного внимания на его нелестные слова в свою сторону, сказал Эур и, обойдя его, направился в сторону своего жилища.

Проваливаясь в снег по колени, Катрус с трудом передвигал ноги, но не останавливался и не сбросил с плеч свой груз. Упорство, с которым он преодолевал столь тяжёлый путь, удивляли Эура, но помогать ему, взять его груз на свои плечи, не стал.

– Мужчина должен сам преодолевать все трудности и если Катрус пройдёт весь путь, я буду уважать его, – думал Эур, но всё же помогал ему, утрамбовывал снег лыжами, поднимая и с силой опуская ноги, а не передвигаясь скользящими движениями.

И всё же Катрус отставал. В отдельных местах, проваливаясь по колено, казалось, должен был бы злиться на столь трудный путь, ворчать или ещё как-то недоброжелательно высказываться в адрес снежной зимы, но этого не было. Катрус молча шёл за Эуром и стойко преодолевал все преграды, встававшие на его пути, а их было довольно-таки много, – это и завалы, и спуски, и крутые подъёмы, и глубокие сугробы, но всего труднее было ему на выходе из леса, где снегу намело по пояс.

Эур, ушедший от него на значительное расстояние, в это время был уже в своём жилище и брал в руки вторую пару лыж. Понимая, что Катрус обязательно увязнет в снегу, решил принести ему изготовленные для Наэлы лыжи и этим облегчить его путь.

Вскоре Эур и его новый товарищ, расслабившись в удобных креслах, пили ароматный чай и вели непринуждённую беседу, в ходе которой Эур узнал, что Наэла «больна», если можно так выразиться, беременностью.

– Принцессе Наэле нужны именно эти ягоды, – указав кивком головы на гору ветвей с красными ягодами, аккуратно уложенную у порога двери, говорил Катрус, – вот я и решил подбросить их к вашему жилищу, зная, что ты не нашёл бы их, а Наэла в её положении не смогла бы пойти в лес.

Первоначально Эур был удивлён полной осведомлённостью Катруса о Наэле, о её состоянии и самом себе, и решил, что он агент Турона, но со временем всё выяснилось. Катрус не был жителем Таура, не был богатым и не стоял у власти, он был беженцем из страны ларунов. А то, что Наэла принцесса, это он понял, как только увидел её, поглядывая из-за кустов за ней и Эуром за несколько дней до их ухода к плато. Понял, ибо знал её в лицо.

Удивлён Эур был и тем, откуда Катрус мог знать, какие ягоды нужны Наэле. Всё выяснилось в беседе с ним.

– Принцессе Наэле ежедневно нужно принимать две ложки тёплого сока калины, по одной утром и вечером, тогда она не будет постоянно находиться в сонном состоянии, – сказал Катрус. – Женщины Таура, носящие в своём чреве девочек, нуждаются в этих ягодах, а белые ягоды нужны женщинам ждущих мальчиков. Так установила природа и никуда от этого не деться, но и это не всё. Наблюдая за вами, я понял, что ты потерял память и забыл, что женщины, беременные девочками, за месяц до родов впадают в спячку и спят тридцать восходов и тридцать заходов солнца, так что готовься к этому. Удивляюсь, – Катрус пожал плечами, – почему Наэла не предупредила тебя об этом. Хотя, – подумав, – понятно! До этого срока ей ещё пять месяцев. Вероятно, решила рассказать тебе об этом позднее. Да-а-а... сильная женщина! – глубоко вздохнув, как будто вспомнив что-то из своей жизни, проговорил Катрус и умолк.

Так Эур узнал всё, что должен знать мужчина о женщине, ждущей ребёнка. Но это внесло смятение в его душу, стало тревожить, так как он не имел понятия, как нужно ухаживать за спящими в беременности. Эур сказал об этом Катрусу и попросил его остаться в жилище, на что тот тотчас ответил:

– Я не имею права отказаться от твоего предложения, так как от жизни принцессы Наэлы зависит жизнь на Гауре. Она и дочь её восстановят на планете мир, я это знаю.

– Я счастлив, друг! – радостно сверкнув глазами, ответил Эур, впервые назвав Катруса другом.

До позднего вечера разговаривали Эур и Катрус, но из того, что рассказывал Эур, многое было известно Катрусу, даже то, что сам Эур забыл, Катрус откуда-то знал, как будто был провидцем, рассказ же Катруса о себе поразил Эура до глубины души. Слушала его и Наэла. Проснувшись и выпив сок калины, она приобрела прежнюю весёлость и жизненную активность.

Горький путь Катруса.

– Друзья, позвольте вас так называть, вы знаете, что на нашей планете живут два народа – тауры и ларуны. Я из страны Ларун, из племени огнепоклонников, которое на исходе прошедшей зимы вынудило меня бежать из родного дома, – тяжело вздохнув, Катрус низко опустил голову и уточнил. – Бежал, но не был забыт теми, кто охотился за мной, как за дичью. Если бы племя изгнало меня и забыло, это было бы менее больно и не тревожно, нежели то, что власти моего народа не успокоились и до сих пор преследуют меня. Скрываясь от них в долине роз, я ежедневно страдал не только от осознания того, что придёт день, и они найдут и уничтожат меня, но и от бессилия, что-либо изменить. Я знал, что в долине богов могу найти убежище, но ступить в неё не смел, так как гнев божий был более страшен, нежели гнев ничтожной кучки людей, стоящих у власти. И всё же на исходе весны, когда зацвели розы и буйно разрослась трава, спасаясь бегством от вооружённого отряда огнепоклонников, я пересёк запретную черту, вошёл в обитель богов и поселился близ священного водопада. Но огнепоклонники давно потеряли бога в своей душе. Отвергая божьи законы, они вошли в долину и направились по моим следам, но Бог был милостив ко мне. Птичьим переполохом предупредил о врагах. Мне вновь пришлось бежать, оставив скудные запасы пищи и одежду врагам.

В один из дней середины лета, уходя всё дальше и дальше от священного водопада, я увидел вас, мирно беседующих у костра, сложенного на берегу озера, всмотрелся и узнал в девушке, замороженно слушавшей своего мужчину, принцессу Наэлу, портрет которой мне однажды пришлось увидеть у моих друзей, подвергшихся вскоре сожжению на костре вместе с изображением принцессы Таура. В мужчине, в тебе Эур, – посмотрел на названного друга Катрус, – я узнал бога, изображение которого в статуе мне довелось однажды увидеть за крепостной стеной Таура, когда по приказу нашего короля мы осаждали вашу мирную страну. В то время я был глуп, и верил моему господину, говорившему, что Таур злобная страна, желающая нашей гибели.

Шли дни, я часто подходил к вашему дому у озера, наблюдал за вами, а когда вы уходили в лес, подбирали остатки вашей пищи и ел их с наслаждением. Со временем я понял, что ты, Эур, вовсе и не бог, а потерявший память человек, хотя как две капли воды похож на него.

– Между прочим, и ты похож на него. У меня такое чувство, что ты мой двойник или брат, – прервал рассказ Катруса Эур.

Наэла подтвердила слова Эура, сказав: «Ели бы не твоя худоба, Катрус, ты был бы полной копией моего мужа. Вот тогда, поди, разберись, кто есть кто!» – сказала и звонко засмеялась.

Катрус улыбнулся и продолжил рассказ.

– Всматриваясь в тебя, Эур, я видел, что каждое твоё новое начинание достаётся тебе с большим трудом, и понял, что ты многого не знаешь. Понял, что ты либо потерял память, либо из высокой благородной семьи, стоящей у власти, в которой дети ни к чему не приспособлены, в которой тебя ничему не научили. Мне было жаль тебя, но я ничем не мог тебе помочь, кроме того, во мне иногда проскальзывала мысль, что ты всё-таки бог и таким образом проверяешь меня. Так мы и существовали рядом. Ты с Наэлой в объёмном пространстве, свободно передвигаясь по эдему, и я в маленькой норе, которую вырыл под нависшими над землёй ветвями хвойного дерева, но вы не знали обо мне и не догадывались о моём существовании до тех пор, пока я не оставил следы моих босых ног вблизи вашего нового жилища. То было моё любопытство толкаемое голодом. Я знал, что у вас есть ледник и видел, что вы заполнили его мясом мамонта. Дождавшись вашего ухода их жилища в горе, я приблизился к леднику, вскрыл его и вырезал от туши маленький кусочек мяса. Пока занимался воровством, извините, голод толкнул меня к этому, пошёл снег. Уходя, я невольно оставил цепочку следов, которая отпечаталась на размокшей земле.

– Так это были твои следы! – улыбнулся Эур, ни словом не упрекнув Катруса за кусочек мяса, унесённый им из ледника.

– Да, то были мои следы, – ответил Катрус и тяжело вздохнул. – За эту четырёхпалую ногу и хотели меня подвергнуть сожжению на костре, посчитав исчадием ада. Поэтому мне и пришлось бежать.

– Но как же ты жил до этого? Или племени до какой-то определённой поры был безразличен твой врождённый дефект?

– О, нет! Ларуны жестокий народ. Новорожденные даже с незначительным отклонением от принятого в стране стандарта, подлежат сожжению. Но родителям мой дефект удалось скрыть от жрецов. Каким-то образом они показали им другого младенца, а женщине, принявшей роды, за молчание заплатили драгоценностями. Собственно, вряд ли эта хитрость удалась в какой-либо другой семье, но мой отец был родным братом короля и очень хотел сына, а рождались девочки, которых было уже семеро. Скрыв мой недостаток, он, естественно, рисковал всей семьёй, так как в стране была жестокая теократия, форма правления при которой власть фактически принадлежит жрецам. Не король был истинным правителем в стране, а Верховный жрец, но всё же до определённой поры в моей жизни были только светлые дни. Чёрная полоса пришла со смертью отца, но немного предыстории.

Когда мне был год от рождения, умер король и на престол был возведён мой отец, которого, как утверждала моя мать, отравили по приказу Верховного жреца Кнероса. К тому времени, когда это произошло, мне исполнилось двадцать лет, отец правил страной уже девятнадцать лет. Не знаю, что они не поделили, но, опять-таки со слов матери, отец вёл мирную политику и всячески пытался ослабить роль жреческого клана в управлении государством. Вот это, уверен, и было причиной их раздора. Печальный результат известен. Через два месяца после смерти отца не стало и матери, потом в течение трёх месяцев были изгнаны из дворца мои сёстры со своими семьями, а ещё через месяц очередь дошла и до меня.

– Убили сестёр с их семьями? – возмущённо воскликнула Наэла.

– После изгнания из дворца дальнейшая судьба сестёр мне не известна, так как вслед за ними последовал и я, – ответил Катрус. – Меня поселили на окраине города под охраной жрецов и держали в этом состоянии десять лет. По сути, я был в заточении. По прошествии десяти лет моя тайна стала известна Кнеросу. Если бы не моя четырёхпалая нога, возможно, моя жизнь на задворках города продолжалась бы и ныне. Что за этим последовало вы, друзья, можете себе представить. Жрецы объявили меня исчадием ада и изгнали из страны, и этому послужило ещё одно событие, но о нём позднее.

– И всё же бог милостив к тебе. Изгнание не смерть, – воспользовавшись паузой в воспоминаниях Катруса, проговорил Эур. Ты жив, и это главное!

– Вот ты часто упоминаешь бога. А что он дал тебе? Эту пещеру и жизнь в страхе, что придёт Турон и отберёт твоё убогое жильё вместе с твоей женой, а с этим и жизнь? Ты мало чем отличаешься от меня. Ты такой же изгой, как и я, разве что твою жизнь украшает прекрасная принцесса Наэла, которую преследует враг, и которой приходится скрываться, как и тебе в этой долине. А что дал мне твой бог!? Не отвечай, – увидев, что Эур подался к нему телом, чтобы дать ответ. – Я знаю, что ты скажешь. Надо терпеть, бог испытывает нас, а потом возвысит. Всё это вдалбливается в каждого из нас жрецами с рождения, с целью укрепления своей власти. Грешен, говорят они, принеси дар богам и все твои грехи мы снимем, вымолим тебе прощение перед ним. А где он бог? Кто видел его? Откуда жрецы знают, что ему надо, если он нем? Они утверждают, что бог бестелесен, а коли так, зачем ему дары телесных существ, какими являемся мы? Он бестелесен, вездесущ и вся вселенная в его власти. В таком случае, зачем ему материальные блага от каких-то букашек, какими являемся мы? Он нас просто не видит! Если даже и существует какая-то нематериальность, то она не может видеть материальность, и наоборот. Та нематериальность видит себя сущностью, значит, осознаёт материальностью, а нас не видит и мы для неё ничто – нематериальность, а в реальности мы оба материальны, только находимся в разных полюсах, как минус и плюс, которые никогда не сблизятся, как и не отдалятся друг от друга. Они находятся в единстве и борьбе, не противореча друг другу и во взаимодействии. Вот таким образом обогащаются так называемые служители бога, которые, по сути, просто воры, обирающие народ. Многие в моей стране это понимают, но молчат, а если кто-то из них скажет слово против священников и верующих в их бога людей, то тут же на лбу таких людей раскалённым железом ставят клеймо, затем приковывают к столбу позора с табличкой на груди, на которой жрецы пишут: «Эти негодяи задели чувства верующих!» По несправедливым законам моей страны чувства верующих задевать нельзя, а на чувства атеистов можно наплевать. Где и в чём правда?

– Уныние, мой друг, подобно смерти! Взгляни на жизнь свою с другой стороны. Ты не был умерщвлён при рождении, до двадцати лет жил в роскоши и неге, даже при изгнании из дворца, по сути, был свободным человеком. То, что ты имел, не имели миллионы твоих сограждан, а то, что имеешь сейчас, есть испытание перед грядущим. Выдержишь его, твоё будущее будет прекрасно, нет... закончишь жизнь в одиночестве. Жизнь прекрасна, надо только найти в ней лично своё и развивать ее, несмотря на невзгоды. Казалось бы, что хорошего от неё можно было ожидать мне, потерявшему память и обречённому на одиночество, но я страстно хотел жить и бог подарил мне эдем, дал любовь Наэлы и послал друга, тебя. И не прав ты, мой дорогой друг, говоря, что бог отвернулся от меня, я счастлив. Не надо путать любовь бога со стяжательством. Любовь Господа исходит на каждого, даже на грешника, и заключается не в предоставлении благ, а в духовной благодати. Можно быть нищим, но богатым духовно, можно быть богатым, но нищим душой, но даже и нищему духовно бог протягивает свою руку. Мы все дети его и он любит нас одинаково. Оступившегося поднимает, зарвавшегося умирляет. Во всём должно быть равновесие, равенство, но не одинаковость, её не может быть, иначе мы до сих пор стояли бы на уровне диких животных, хотя... в нас иногда проявляется звериная сущность –

жестокость и уничтожение равного себе. Всё зависит от самого человека, от его веры в бога. Я не утверждаю, что бог это какая-то сущность, он не является таковым, он Великий Разум.

Катрус внимательно слушал Эура, не менее заинтересовано слушала его и Наэла.

Катрус думал: «Как же он далёк от реальности! Хотя... его можно понять. Он забыл свою прежнюю жизнь, поэтому рад той, что имеет сейчас! Не знавший полёта, счастлив приземлённостью! Не имеющий ног, рад ползанию! Не знающий движения, довольствуется инерцией!»

Наэла думала: «Я счастлива! К нему возвращается память! Боюсь лишь одного. Вспомнив всё, он может отвернуться от меня. Видел же он в своих снах какую-то женщину. Возможно, она его жена. О! Господи! Не приведи к этому! Хотя я и желаю мужу моему полного восстановления памяти, но всё же... Он мой! Мой! Мой!»

– Прошу, не прими мои слова за нравоучение, уверен, со временем ты будешь думать так же, и проникнешься богом – Великим Разумом!

– Время рассудит, – ответил Катрус и по просьбе Наэлы продолжил рассказ о сложных годах своей жизни, но уже на первых словах был остановлен Эуром обращением к жене.

– Милая, прежде выпей сок калины, или он тебе уже не нужен? – с хитринкой в голосе проговорил Эур.

– Ну, ты и злюка. Вечно подзуживаешь меня! – вспомнив, как ещё совсем недавно негодовала на весь мир, с улыбкой ответила Наэла, добавив, – извини, я не виновата. Так сказывается беременность на всех женщинах из-за резкого снижения в нашем организме гормона спокойствия и уравновешенности, который нормализуется с принятием сока калины. А сейчас я миролюбива и спокойна, но сок всё-таки выпью, если ты мне его приготовишь, хотя он ужасно горький, ибо понимаю, что от этого зависят не только мои чувства и эмоции, но и развитие нашего ребёнка.

– Да, уж сделай милость, выпей сок сладких ягодок, – хитро улыбнулся Эур, встал со стула и направился к настенной полочке, где в деревянном сосуде хранился сок, приготовленный Катрусом.

Выпив ложку горькой микстуры, Наэла сжалась, мелко тряхнулась всем телом, но уже через минуту расцвела в благостной улыбке: «Злюка ты всё-таки, Эур, и злыдень злопамятный! Запомнил, что называла калину сладкой и издеваешься».

– Обороняюсь, в ожидании новой вспышки твоего гнева, – ответил Эур.

– Этого больше никогда не произойдёт, милый мой Эур. В обороне нет нужды. Сейчас и в дальнейшем я буду спокойна, – ответила Наэла и, подойдя к мужу, нежно поцеловала его в лоб.

Нежным поцелуем в алые губы Наэлы ответил Эур. Ещё несколько лаковых слов друг другу и через минуту Катрус, глубоко и тяжело вздохнув, продолжил свой рассказ.

– Скрываясь от жрецов Кнероса, я часто смотрел на водопад и думал о быстротечности жизни, стремящейся к своему завершению, а не к расцвету. Что жизнь моя? Миг в общем хаосе жизни планеты, галактики и вселенной. Нет вечности, всё стремится к завершению, к смерти, а в общем-то к нулю. Так стоит ли цепляться за неё? Что век, в жизни вселенной? Миг! И эти мысли подтолкнули меня к самоубийству. Но как убить себя, если нет даже ножа, а о верёвке, способной удушить, как-то не подумал. Решил взобраться на гору, ближе к водопаду и броситься вниз. Громада воды, её стремительное падение на каменные глыбы в один краткий миг перемолотят меня, я даже не успею испугаться, думал, и с этой мыслью направился в сторону водопада. Приблизившись к нему, остолбенел. Среди редкой низкорослой травы, росшей вблизи водопада, различалась тропа. Явно рукотворная, со ступенями, полого поднимающимися от подножия горы к ревущему потоку и теряющимися в нём. Не раздумывая долго, ступил на тропу и довольно-таки легко стал подниматься по ней на гору. Вскоре вошёл под ревуший поток, оказался между отвесной скалой справа и потоком воды слева, ниспадающим с огромной высоты. Рёв воды, разбивающийся о каменные глыбы, оглушал меня, но это не страшило.

Мои мысли всё ещё были о самоубийстве, но одновременно с этим во мне загорелось любопытство, – желание узнать, какую тайну скрывает водопад и тропа, стремящаяся вглубь его. Дойдя до середины потока, так приблизительно подсчитал, тропа резко выпрямилась, перестала стремиться ввысь, но одновременно с этим сузилась и повела вправо. Водяная пыль, веками падающая на неё, до зеркального глянца отполировала камни тропы. Она стала скользкой и опасной, но, не смотря на это, я продолжил движение по ней и вскоре был несказанно удивлён. Сначала тем, что упёрся в тупик, затем необычной находкой. На гладкой гранитной стене тупика, на высоте моей груди, чётко выделялось идеально круглое углубление с замысловатым рисунком. В памяти всплыла книга, которую довелось читать в библиотеке дворца. Много тысяч лет назад её написал великий Плиний. Книга, – это пластина из серебристого металла, неизвестного нашему народу. На ней была выгравирована легенда, так, по крайней мере, считают все наши учёные. Она гласит о том, что на нашей планете есть храм знаний, вход в который доступен только избранному человеку, на пальце которого перстень с камнем, имеющим свойство изменять свой цвет. У этого человека, писал Плиний, есть ключ к храму в виде круглого медальона с изображением двойной спирали исходящей из одной точки. Описанное в книге изображение, я увидел в круге на гранитной стене, скрытой водопадом, это графическое изображение нашей галактики. Во мне возродилось желание жить, жажда жизни закипела внутри меня, захотелось найти этого человека и поделиться с ним моей находкой, о которой он, возможно, не знал. Но где я найду его? Эта мысль тотчас погасила во мне пламя жизни, вновь хандра охватила меня. Пробить гору, влетела глупая мысль в мою голову. За тупиком дверь в храм знаний, Подняв камень, что лежал у моих ног, я размахнулся и ударил им по изображению на стене. Камень выбил крохотную искорку, издал слабый глухой звук и более ничего. Я вновь ударил им по изображению в стене, ещё и ещё, и так долбил им стену до изнеможения. Остановился, когда осознал, что разрушить гору не по силам целой армии. Отбросив камень в сторону, осмотрел место ударов. Камень не оставил ни единой, даже малейшей царапины. Разочарованный и в глубоком раздумье, забыв о самоубийстве, я отвернулся от стены и пошёл к своей стоянке, что у подножия горы. Весь день бродил по берегу озера, ночь провёл в бессоннице, а утром нагрянули солдаты Кнероса. Мне пришлось покинуть моё убежище и снова бежать. Так я оказался на другой стороне озера, вблизи вашего жилища на его берегу. Увидел тебя, Эур, потом принцессу Наэлу.

Катрус умолк, взглянул на слюдяное оконце в двери и, глубоко вздохнув, проговорил: «Как быстро темнеет. Так незаметно проходит и жизнь!»

Воспользовавшись паузой в воспоминаниях Катруса, Эур подошёл к стеллажу у двери и через непродолжительное время, взяв оттуда какой-то предмет, раскрыл пред глазами товарища свою крупную ладонь.

– Что это? – увидев блеснувший в свете очага круглый предмет, проговорил Катрус, и тотчас замер, от удивления удлинняясь лицом, – челюсть медленно ползла вниз, глаза расширились и, казалось, вот-вот вылезут из своих глазниц. – Не-не-невероятно! – воскликнул, вскочил со скамьи и вновь плюхнулся на неё. – Не-не-невероятно! Но... как... где ты его?..

– Успокойся, я не тот, о ком говорил Плиний. Прошли тысячелетия и тот человек давно уже в другом мире. А этот предмет я нашёл в тоннеле. Меня интересует другое. Подобно ли изображение на медальоне тому, что ты видел на стене за водопадом?

Сглотнув твёрдый комок, застрявший в горле, Катрус прокашлялся, глубоко вздохнул и, пожав плечами, произнёс: «Затрудняюсь сказать с уверенностью, но общее между ними есть. Разница лишь в том, что изображение на стене выпукло, а на твоём медальоне вогнуто и в перевернутом виде. Станный, странный предмет! Я вот что скажу, будь с ним осторожен, Эур. Плиний предостерегает каждого, кто попытается проникнуть в храм знаний, даже имея ключ. Собственно, я сомневаюсь, что это ключ. С какой бы стати он просто лежал в тоннеле? Уверен, он всего лишь умело изготовленная копия, а настоящий, конечно же, хранится у истинного

хозяина, у которого кроме ключа должен быть перстень с камнем, меняющим цвет. У тебя, насколько я вижу, – пристально посмотрев на руки Эура, – такого перстня нет! Поэтому остаётся только одно, забыть о тайне, ушедшей в далёкое прошлое».

– Нет, дорогой Катрус, это не в моём характере! Всё таинственное манит меня, и я обязательно пойду к водопаду. Я должен лично убедиться в истинности слов неведомого мне Плиния. Возможно, он всего лишь легенда, а рисунок на скале чья-то шутка, правда... – Эр почесал затылок, – есть ещё один медальон, и в нём сокрыта великая сила. В этом мы с Наэлой уже убедились, проникая в сознание Турона. Вот он-то, я в этом уверен, настоящий, а не копия. Наэла, дай мне его, – обратился Эур к своей милой подруге жизни. – Покажем и его Катрусу.

– Он в сундуке, – ответила Наэла.

– В сундуке... Каком... сундуке? – возмущённо удивлённым взглядом на Наэлу, напряжённо проговорил Эур.

– В том, что в зале под водопадом. Я оставила его там, чтобы не потерять.

Теперь настала пора удивляться Катрусу. «Подводном зале? Каком подводном и где он?»

Не обратив какого-либо должного внимания на вопрос Катруса, Эур махнул рукой, пристально посмотрел на Наэлу, о чём-то недолго подумал и сказал, что место нахождения его не имеет существенного значения, главное, что он не потерян.

– Наш диск, его копия, и изображение на скале под водопадом говорят нам ещё об одной загадке долины богов, которую нам надо немедленно раскрыть.

– И когда же ты, мой милый, собираешься идти к водопаду? – обратилась Наэла к Эуру.

– Не раньше, как растает лёд на озере. А до этого мы с Катрусом займёмся изготовлением дома, который пойдёт по воде. Правым берегом, пробираясь сквозь густые кустарники и крупные деревья, мы будем добираться до водопада много дней, а левым путь в два раза длиннее. Остаётся одно, только водой.

– Люди, а тем более дома по воде не ходят! – в упор глядя в глаза Эура, проговорил Катрус и стал тихонько отодвигаться от него.

Эур, увидев это действие, громко засмеялся. Он понял, что Катрус посчитал его не вполне здоровым, вероятно, даже способным неожиданно напасть и нанести побои, а потому на этот случай стал создавать дистанцию между ним и собой, огораживая этим себя от возможного нападения.

Катрус смотрел на Эура широко раскрывшимися глазами и не мог понять громкого заливающего смеха хозяина жилища, и осознал нелепость своего умозаключения лишь после того, как услышал разъяснение, что такое плавучий дом.

– Смотри, вот это одна связка бамбука, вот вторая, а между ними сделаем плотный настил тоже из бамбука, а вот здесь, – указав пальцем на рисунке, где именно, – мы поставим дом с двумя комнатами, здесь установим столб, на него прикрепим полотно.

Рисую угольком на деревянной плашке изображение катамарана, Эур объяснял Катрусу своё видение во сне. – Уверен, если это плавучее средство мне приснилось, значит, я ходил на нём по воде. Не утверждаю полностью, но рискнуть стоит. Есть уверенность, что у нас получится его создать и даже пойти на нём по воде. Тогда мы легко достигнем водопада всего за пять – семь дней, а может быть и меньше, всё зависит от ветра, который будет двигать наш плавучий дом по поверхности озера.

Рассказывая о своём новом изобретении, Эур умышленно умолчал о перстне, хранящемся в кожаном мешочке, лежащем в дальнем углу стеллажа, где минуту назад находился и медальон, который, как считал он, тоже настоящий, а не копия. Но вот зачем нужны два оригинала, он до сих пор не мог понять. Скрывая от Катруса наличие кольца, полностью совпадающего с описанием, Эур руководствовался несколькими принципами, главным из которых была предосторожность, он не сполна доверял своему неожиданно появившемуся доброжелателю.

Катрус, слушая Эура, не подозревал, что находится под подозрением. Полностью доверившись Наэле и Эуру, он думал, что и они верят ему, собственно, у него действительно не было мысли нанести вред людям, давшим ему кров, поэтому полностью раскрывался перед ними сердцем, душой и мыслями.

– Плавучий дом, заманчиво! Но когда это ещё будет? – мечтательно проговорил Катрус. – И есть ли смысл возводить его. Допустим, мы начнём постройку с первыми тёплыми лучами, то соорудим его лишь к началу холодов, озеро замёрзнет и наша затея отложится ещё на год, а берегом, лишь только просохнет земля, мы можем подойти к водопаду ровно через столько дней, сколько пальцев на моих руках и ногах. Именно столько я шёл от водопада до вашего жилища у озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.